

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

УТРО
НОЧИ ЛЮБВИ

Наталья Вячеславовна Андреева

Утро ночи любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182081

Наталья Андреева. *Утро ночи любви*: АСТ, Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-058679-0,

Аннотация

В элитном поселке рядом с Истринским водохранилищем обнаружен труп молодого мужчины. Еще одно звено в цепи загадочных смертей.

Следы ведут в богатый особняк. Его хозяйка – кто она? Клеопатра наших дней или просто сумасшедшая? Тот, кто проникнет в ее тайну, раскроет и тайну странных самоубийств.

Если, конечно, сам сможет устоять перед ее роковой красотой...

Наталья Андреева

Утро ночи любви

– Эдик, ну что? А? – Андрей Котяев нехотя отвел взгляд от воды и достал из кармана пачку сигарет.

– Места здесь красивые.

– Не понял? – машинально он вытянул из пачки сигарету.

– Места, говорю, здесь красивые.

– Что правда, то правда... – щелчок зажигалки.

– Андрон, ты же бросил курить.

– Ах, да... – огонек тут же погас. – Спасибо, что напомнил... Хоть что-то хорошее в жизни сделать... Ну, что там? – кивнул он на труп. – Что скажешь, эксперт?

В слове «эксперт», если это касалось Эдика Мотало, Котяев намеренно делал ударение на первый слог, вроде как острил. Они были большие приятели, вместе выпивали, отмечая праздники, потом до хрипоты спорили и оба, кстати, были не женаты.

– Курить бросил, а вот сигареты в кармане носишь. Зачем? – не остался в долгу Эдик.

– Силу воли тренирую, – усмехнулся он.

– А вот с точки зрения психологии, исходя из учения Зигмунда Фрейда...

– Мотало, заткнись, а? – он положил руку Эдику на плечо и несильно нажал. – Свою работу делай, психотерапевт хре-

нов. Что скажешь? Есть криминал?

– Очень интересное дело! – враз оживился Мотало.

«Даже очки вспотели», – со злостью подумал он. Вот так всегда: кому забава, а кому смертная казнь через повешение! Проще всего, нехотя:

– Что тут интересного? Типичное самоубийство. Вот лежит парень с дыркой в башке, вот пистолет соответствующего ей калибра, а вот, под камушком, предсмертная записка следующего содержания... Так... «В моей смерти прошу никого не винить. Я уйду из жизни добровольно, без всякого принуждения. Ваня Курехин». Двадцать второе июля сего года, число, подпись. Точка.

И в деле о жизни и смерти Вани Курехина мы тоже ставим точку.

– Ты глаза-то подними!

– А что такое?

Котяев огляделся. Ну да, местечко живописное. Заповедная зона в Московской области, Истринское водохранилище. Неподалеку березовая роща дивной красоты: белоствольные девицы, как нарисованные, одна к одной, то парами, то хороводом. Не налюбуйешься! Но... Куда ни глянь – каменные особняки за высокими заборами, полосатые шлагбаумы, запрещающие надписи. Туда нельзя, сюда не можно. Простые смертные здесь не живут, то есть, не отдыхают. Тут вам не где-нибудь. Новый русский гламур, вот как это называется!

– А теперь посмотри на самоубийцу.

Котяев нехотя перевел взгляд на лежащего в траве мертвого парня. Парень как парень. Одет в джинсы и толстовку, на ногах кроссовки. Не Дольче с Габбаной, не гламур – мэйд ин Чайна, бутик на Черкизовском рынке, это видно невооруженным глазом. Строчки кривые, ткань дешевая, буквы пришиты сикось-накось. Но все чистое, отутюженное, он даже уловил запах стирального порошка. Ощущение такое, что парень пошел стреляться на берег Истринского водохранилища прямо из прачечной. Кроссовки хотя и дешевка, но новые и чистые. Вот именно. Чистые... Он вновь потянул из пачки сигарету. Поймал насмешливый взгляд Эдика и зло сказал:

– Пошел бы твой Фрейд, знаешь куда?

Но сигареты в карман все-таки убрал.

– А чего ты злишься? Ты же и сам все видишь.

– Ну вижу.

– Похоже, он не местный. Здесь такие не живут.

– Может, из деревни?

– Откуда – откуда? – хохотнул Эдик. – Андрон, до Москвы пятьдесят километров! Отсюда на работу запросто можно в Кремль ездить! Все деревенские парни, какие были, давно уже осели в московских офисах и магазинах. А там так не одеваются. Да и текст предсмертной записки...

– А что текст?

– Его сочинял человек с высшим образованием. Похоже, под диктовку написано или с черновика. Ты глянь: ни единой

грамматической ошибки!

– Где их тут делать, ошибки-то? – проворчал он. – Всего две строчки.

– А давай на спор? Я тебе продиктую текст и посмотрю, как ты справишься. К примеру, слово «принуждения». Ну! Давай! Бери ручку! Заодно по почерку определим твой характер. И я тебе скажу, почему ты курить бросил, а сигареты в кармане носишь. Это, между прочим, оч-чень интересно...

– Слушай, Мотало... – разозлился он. – Ты меня уже достал! Либо я, либо Фрейд, понял? Не хочешь работать в органах – вали отсюда. Занимайся любимым делом.

– Ты напрасно упрекаешь меня в непрофессионализме, – с пафосом сказал Эдик. – Ты просто не хочешь замечать очевидных противоречий. К примеру, чистой обуви на ногах потерпевшего. Лето нынче поганое, дожди идут каждый день. Он что, по воздуху сюда прилетел? Это раз. Второе: стрельяли с близкого расстояния, это бесспорно, но расположение входного отверстия наводит меня на мысль о криминале. То есть, об убийстве. Подробности после вскрытия, но я тебе повторяю: дело чрезвычайно интересное. Надо установить его личность, это во-первых...

– И надо заткнуться, это во-вторых. Личность уже установлена, смотри записку. Это Ваня Курехин. Остальное меня не интересует. И вообще... Мотало, не создавай мне проблем. У меня и так дел по горло. И если экспертиза установит, что записка написана потерпевшим...

– А если его заставили?

– Да кому он нужен! Кто заставил? Эти? – он кивнул на ближайший забор высотой в два человеческих роста. – Или, может, эти?

Еще один кивок в сторону малиновой рифленой крыши кирпичного коттеджа площадью эдак в пятьсот квадратных метров.

– Ты правильно сказал, Эдик: посмотри, кто тут живет? Это ж Новорижское шоссе! Второе в рейтинге после Рублевки! Здесь теперь скупают землю люди, у которых много денег. Не просто много, а очень много. Я бы даже сказал, неприлично много. Бизнесмены, банкиры, певцы, артисты там всякие. Ну и чиновники, соответственно. Вот какие люди здесь живут. Да этот Ваня Курехин был для них меньше муравья! Может, потому он и пустил себе пулю в лоб. От обиды. Потому что не мог жить так, как эти... В общем, люди.

– Тогда бы он написал: «в моей смерти виноваты сволочи буржуи», – тихо сказал Эдик.

– Опять психология?

– А что? Разве не так? Я просто хотел сказать...

– Ну все, заканчивайте здесь.

Следователь. Молодой, энергичный, подметки на ходу рвет. Всем своим видом изображает занятость. Не говорит, а режет:

– Криминала нет, как я понял. Типичный случай само-

убийства. Установить личность, сообщить родственникам, и – в архив! Заканчивайте поскорее и поехали!

Котяев торжествующе посмотрел на Эдика: вот так-то! И хотя мальчишку следовало бы осадить, по сути он прав. Мотало, который колдовал на трупом, сидя на корточках, поднялся и, поправив сползшие на кончик носа очки, с обидой сказал:

– Я хотел, как лучше. С точки зрения психологии...

– Эдуард Семенович, мы вас ценим и уважаем, но психиатрическая экспертиза покойников не входит в ваши должностные обязанности, – оборвал его следователь. – В заключении прошу писать по существу, а не так, как вы любите. Без всяких там... – он поморщился. – В общем, я хочу видеть там только одну фамилию: вашу! Никаких Бонч-Бруевичей!

– Нельсон-Джоунс, – тихо поправил Эдик. – Всемирно известный психотерапевт, автор научных трудов.

– Вот именно. Давайте на сей раз без них обойдемся! И конкретно причину смерти потерпевшего прошу указать. Не «умер от печали» или там, – следователь хмыкнул, – «вследствие низкой фрустрационной толерантности», а калибр и марку оружия, из которого он застрелился, и характер нанесенных им, то есть оружием, повреждений. Над вашими опусами, между прочим, вся прокуратура хохочет! Мы их в Москву отсылаем. Просят. Это, говорят, нечто! Судмедэксперт – психотерапевт! Это все, конечно, занятно, но работать-то кто будет? А? Эдуард Семенович? Этот ваш...

Фрейд? Да он сам давно покойник! Прошу из суда больше цирка не устраивать! Так что... Займитесь своим делом!

– Да, пожалуйста!

Он заметил, что у Эдика от обиды губы дрожат. Следовательно, пожалуй, погорячился. Не стоило так наезжать на Мотало. Сам-то он кто? Мальчишка! В органах без году неделя. А Мотало двадцать лет отпахал. Опыт у Эдуарда Семеновича огромный, работу свою не любит, это да. Ну не повезло человеку! Когда Эдик получал высшее образование, профессия психолога была экзотикой, а о психотерапии мало кто слышал. И лечение для всех сомневающихся в целесообразности бытия было одно: психушка. Хочешь жить в обществе, будучи свободным от общества, переселяйся в палату номер шесть, там таких много. Советский человек буржуазную заразу подхватить не мог, и вообще, душа – это из области религии, а религия – опиум для народа. Кто бы мог подумать, что пройдет совсем немного времени и жизнь в стране коренным образом изменится! Сейчас лечить душу моднее, чем тело, и где только этому не учат!

Поэтому Эдуард Мотало чувствует себя жестоко обманутым. Он считает, что его призвание – психотерапия. Но переучиваться, когда тебе за сорок, уже поздно, да и деньги нужны. А денег у Эдика нет никогда. Как там говорится? В тридцать лет жены нет, и не будет, в сорок лет денег нет, и не...

ТЬФУ ты! На себя посмотри! Четвертый десяток пошел!

Ни жены, ни...

– Эдик, стой!

– Отстань!

– Да брось ты! Наплюй на этого щенка! Я-то знаю тебе цену! Мотало! Ну? Забей!

– Они смеются... Ты слышал? Смеются... Да они просто ничего в этом не понимают!

– Согласен: не понимают.

– Андрон... Это же тупые, ограниченные люди... Серость...

– Точно!

– Им бы только... Показатели... Деньги... Везде эти проклятые деньги...

Эдик с ненавистью посмотрел на высокие заборы. Сказал с тоской:

– Я, кажется, понимаю, почему он застрелился...

– Тихо-тихо-тихо... Ты же только что сказал, что его убили. Сам себе противоречишь. Ты, вот что... Не раскисай. Приходи вечером ко мне. Мама на даче, так что мешать нам никто не будет. Выпьем, в шашки сыграем. Ну? Придешь?

Эдик молча пошел вперед, к реке. Берег здесь был крутой, тропинка, змейкой идущая вниз, размыта водой, и местами обнажилась рыжая глина. То и дело, спотыкаясь и цепляясь за ветки, Эдик спустился к самой воде. Догнав его, Андрей Котяев тихо сказал:

– Работу надо доделать.

– Да кому это нужно? – махнул рукой Мотало. И сел на траву.

Он присел рядом, какое-то время молчали. Утро было тихое, свежее. Вообще, ночи этим летом были на удивление холодные, да и дни не жаркие. Все находились в состоянии ожидания. Ну не может же все это так бездарно закончиться? Девять месяцев в году русский человек живет ожиданием лета, и вдруг такой обман! Поэтому и он, старший оперуполномоченный Андрей Котяев, и судмедэксперт Эдик Мотало, и мальчишка-следователь находились в состоянии депрессии, были раздражительны и брюзгливы. А кто в нем, спрашивается, сейчас не находится? Особенно те, кому все лето придется париться на работе. Они вообще, похоже, так и не увидят солнца.

– Дерьмо! – с чувством сказал он. – Погода – дерьмо! И в самом деле, хочется застрелиться, – и зевнул.

– Всю ночь лил дождь, – вяло заметил Эдик.

– Это точно.

– Записка.

– А ведь и верно! Буквы водой не размыты. Дождь кончился...

– Часов в семь утра.

– Значит, он застрелился на рассвете.

– Да. Он застрелился утром. Или его застрелили утром.

Потом привезли сюда, положили на бережок, в руку вложили пистолет, камешком придавили записку, чтобы ветром не

унесло...

– Стоп-стоп-стоп! – оборвал Эдика Андрей Котяев. – Как было, мы не знаем, доказательств у нас нет и вряд ли будут. А раз у нас нет доказательств, эту мысль мы дальше развивать не будем... Я, пожалуй, пройду по домам, попробую узнать, кто такой этот Ваня Курехин, чем занимался. Нам нужен образец его почерка, волей-неволей, а придется... – он тяжело вздохнул.

– Валяй, – вяло откликнулся Эдик. – Я тоже... пойду.

– Мне нужна его фотография. С чем по домам-то идти?

– Будет.

– Ну, так зайдешь вечером?

– Зайду.

– Только один приходи. Без Фрейда и остальных. Давай о мирском поговорим, а?

– Вот когда я... вы все еще пожалеете...

Он с усмешкой смотрел, как Эдик Мотало, цепляясь за ветки, карабкается наверх по крутому берегу. Вот он споткнулся и упал, смешной человечек, худой, нескладный, в нелепой одежде, но зато в очках, сделанных по специальному заказу, в золотой оправе и с линзами, меняющими цвет в зависимости от освещения. Когда Андрей Котяев увидел чек об оплате, невольно присвистнул. Вот кому уж точно нужен психотерапевт, так это самому Мотало! Который заявил, что очки для психотерапевта – рабочий инструмент, а на этом экономить нельзя.

Котяев подозревал истинную причину, по которой Эдик так рвется в психотерапевты. Мотало обделен женским вниманием, и посмотрелся фильмов, где длинноногие красавицы в очереди стоят на прием к целителю душ человеческих, потом ложатся на кушетку, вытянув ослепительные ноги, и начинают исповедываться. А где-то к середине фильма влюбляются в своего доктора и бурно занимаются с ним сексом на этой самой кушетке, на столе, в лифте ну и так далее. Женщины – слабое место Эдуарда Семеновича, он их боится до смерти и обожает всех, какие есть: блондинок, брюнеток, рыжих, худых и полных. Это означает, что любая, которая поманит Эдика пальцем, получит его со всеми потрохами.

Эдик, он как ребенок. Ребенок, который умнее многих взрослых, и который этого ужасно стесняется. Ведь он прекрасно понимает, чего они хотят, эти взрослые, читает их, как открытую книгу, и пугается этого. Тут же начинает играть дурачка, лишь бы никто не догадался о том, что он все понял. Душа у него как кристалл, а еще... Еще Эдик Мотало – девственник! Это отдельный разговор, и ни с кем, кроме Кота, Мотало это не обсуждает.

Кот – это кличка Андрея Котяева. Так зовут его коллеги за глаза, а то, случается, и проговорятся. Да и не только коллеги. Он не в обиде, эта кличка прилипла к нему с детства. Что поделывать, фамилия такая.

Когда Эдик исчез из виду, Андрей Котяев вздохнул, поднялся с травы и, не спеша, отряхнул джинсы. У него было

дурное предчувствие. Что-то тут было не то, Мотало неспроста так разволновался. Труп простачка Вани Курехина на берегу реки – это ниточка. Но тянуть за нее ой как не хочется. Там, похоже, такие горизонты открываются!

Котяев с тоской посмотрел наверх, на каменные особняки за высокими заборами. Туда лучше не соваться. На огромном материке Россия есть крохотный остров под названием Удача, там обитают те, кто сумел ухватить ее за хвост. Вот они и живут себе, припеваючи, отгородившись высокими заборами, и это правильно, простым смертным лучше не знать, что за этими заборами находится. Ну не надо им этого. Так спокойнее.

Но работу свою надо делать...

* * *

Видеокамеру он заметил сразу. За ним следили. За тем, как он топчется у калитки, как шарит по карманам в поисках удостоверения, потому что без этого лучше вообще сюда не соваться, как нажимает на кнопку электрического звонка.

Голос из динамика переговорного устройства:

– Что вы хотели?

– Я из милиции.

– Мы милицию не вызвали.

– Неподалеку от вас нашли труп. И я бы хотел...

– Хозяева ничего не знают. Их вчера вообще здесь не было!

– А с вами можно поговорить?

– Я на службе.

– Слушай, друг,пусти, а? Дальше ворот не пойду, клянись! Ну до зарезу надо!

Пауза. Потом тот же голос, торопливо:

– Только быстро!

Калитка в глухом трехметровом заборе приоткрылась. Парень в камуфляже, профессионально окинув его взглядом, спросил:

– Ну, чего тебе?

– Вот этот парнишка тебе, часом, не знаком?

Едва бросив взгляд на фотографию, охранник покачал головой:

– Нет. Не знаю. У тебя все?

– Да.

– Тогда бывай.

Он отступил, калитка захлопнулась. И такая злость взяла! Какого черта? Он кто? Представитель закона, или так, погулять вышел? Со злостью лупанул ногой в калитку. Загудело

железо.

– Чего буянишь? – огрызнулось переговорное устройство.

– А прислать вам роту спецназа! И силой заставить давать показания! Потому что по закону вы не имеете права меня не впускать!

– А постановление за подписью прокурора у тебя есть? По закону без него ты не имеешь права вторгаться в частное владения! Есть такое заветное слово – неприкосновенность жилища. Может, слышал?

– Значит, мы законы знаем! Ах ты, блин, Маугли! – он вновь лупанул ногой в железо, которое гулко расхохоталось в ответ. – А адвокат, часом, не рядышком сидит? В привратницкой? Так, на всякий случай.

– Может, и сидит. Хочешь, чтобы тебя из органов поперли? Тогда давай! Вперед! Это, знаешь, чья дача?

– А это дача?

Он с сомнением оглядел два верхних этажа, возвышающихся над забором. Под рифленой крышей – затейливый вензель. Это не дача – это замок! Княжеский! А кто у нас нынче владельцы князья? Они, законодатели. То-то. Придется отступить.

– Слушай, мои хозяева и в самом деле, ничего не знают, – вполне миролюбиво пробасило переговорное устройство. – Только время потеряешь. Иди на край поселка, там гастарбайтеры трудятся. Дом строят. С ними поговори. Там забора еще нет, может, и видели парнишку.

– Понял, спасибо.

Совет был дельный. Гастарбайтеры – это слабое звено. Без них никак, кто-то же должен возводить все эти хоромы? А строить здесь любят задешево, львиная доля уходит на стройматериал и отделку, да посредникам, которые нанимают рабочих, самим же работягам достаются крохи. Они живут в столице на птичьих правах и милиции боятся до смерти. Этим даже пугать не надо, едва увидев удостоверение, скажут все.

И он двинулся на край коттеджного поселка, вдоль ряда высоких заборов. Оттуда то и дело слышался залиvistый собачий лай, тот, у кого не было привратника, держал злого пса. Каждый клочок земли имел хозяина, она здесь была баснословно дорогая, но все равно находились покупатели. И дело не только в том, что столица близко. Солнце-то на самом деле, здесь было круглый год: выше всех домов, на холме, в окружении вековых деревьев сияли золотые купола Новоиерусалимского монастыря...

Андрей Котяев шел по пустынной улице, раздумывая: то ли для них еще рано, для небожителей, то ли у них вообще не принято ходить пешком. Единственные, кого он встретил, были двое парней лет семнадцати, в одежде, которую он назвал бы странной. Спущенные на бедра широченные штаны, светлые, с многочисленными карманами, толстовки на два размера больше, чем надо, а на головах красовались надетые набок бейсболки, козырек над ухом. В ухе у одного пар-

нишки сверкала серьга с камушком, а у другого – по одной в каждом ухе и еще одна – в носу. В общем, «гламурного» вида ребятки. Когда они подошли, Андрей Котяев услышал обрывок разговора:

– ... не, в Испании жарко. Мороженое съешь – вроде, легче. А через пять минут опять мороженого охота.

– Да и в Египте хреново.

– Точно! Турция – отстой! Я вообще больше десяти дней нигде не могу. Неделю мало, а две много. А в Италии тебе как?

– А никак. Мне знаешь, где классно?

– Где? – тот, у кого была серьга в носу, впервые выказал живой интерес.

– У друга на даче. Он летом в деревне живет, у бабки. Там заборов нет, а на футбольном поле всегда народ тусуется. Можно и в волейбольчик поиграть, там даже сетка есть! А если огород бабке прополешь, еще и покормят! Туда поеду.

– Здорово! – с завистью сказал проколотый нос. – Меня с собой возьми, а?

– Ага. На батином джипе рванем, туда много челов влезает. Тут недалеко. Деревенских покатаем. Оторвемся. А то – тоска...

Парни прошли мимо. И вновь тишина на поселковой улице. Стройку он увидел издалека. Забор все-таки был, но, похоже, временный. В нем зияли большие прогалы, в которые можно было разглядеть лежащие на земле блоки, доски, горы

кирпича, суетящихся рабочих. Машинально глянул на часы: одиннадцать утра. Похоже, у этих рабочий день в разгаре.

Нырнув в один из прогалов, он попытался определить, кто здесь главный? У всякой команды есть бригадир. Остальные могут по-русски говорить настолько плохо, что толку от них не добьешься, а этот должен понимать заказчика с полуслова. Так, где же он?

– Тебе чего, мужик?

К нему, вытирая пот со лба, шел дочерна загорелый парень в заляпанной краской робе.

– Ты здесь главный?

– А тебе чего?

– Я из милиции.

Андрей Котяев достал из кармана удостоверение. Лицо у парня сделалось несчастное. Он сразу стал шарить по карманам.

– Погоди... Я хозяину позвоню...

– Это лишнее. Меня ваша регистрация не интересует. И то, чем вы здесь занимаетесь, тоже. Я по другому делу.

Без лишних слов он достал из кармана фотографию.

– Вот этот парень...

– Это ж Ванька! А я-то думаю: куда он делся? Вроде не пьет...

И тут Котяев сообразил: еще одна вещь поразила его при осмотре места происшествия, но потом он отвлекся на Эдика и оставил это без внимания. А теперь сообразил: загар!

Лето выдалось на редкость холодное и дождливое, солнечных дней по пальцам пересчитать и ни одного по-настоящему жаркого. А лицо у Вани Курехина загорело дочерна, руки и шея тоже. Если бы он был из «этих», то понятно: Турция, Тунис, Средиземноморье... Курортный отдых, одним словом. Но по одежде не похоже, что парень мог позволить себе поездку в жаркие страны. Нет, конечно! Этот загар иного происхождения.

– Откуда вы? – спросил у бригадира.

– Пензенские.

– Россияне значит... Ну и как там, в Пензе?

– Лучше, чем здесь. Только денег заработать негде.

– Ну, понятно. Значит, этот парень из твоей бригады?

– Земляк, – коротко ответил бригадир.

– Давай-ка отойдем в сторонку, побеседуем.

– Может, хозяину позвонить?

– Успеешь.

Выходит, Курехин строитель. Чертов Мотало! Психотерапевт хренов! А ведь в самую точку попал! Такие здесь не живут. И так не пишут. Имеется в виду текст предсмертной записки.

– Как тебя зовут? – спросил у бригадира, присев на бревно.

– Ну Макс.

– А чего ты так напрягся, Макс?

– Так работать же надо.

– Мне тоже. Ты сядь.

Бригадир нехотя сел. Загар у них, похоже, профессиональный, достаточно и дня под нежарким московским солнцем, чтобы он проявился.

– Когда пропал Курехин?

– Ванька-то? С вечера здесь был. Мы полдома у бабки снимаем, в деревне, километрах в десяти отсюда. Часов в десять, как обычно, собрались, а он и говорит: «Я с вами не поеду».

– Машина твоя? – кивнул Котяев на потрепанную «девятку». Номера не Московской области, похоже, пензенские.

– Ну моя.

– А чего ты опять напрягся?

– А то, – огрызнулся бригадир. – Видать, убили его. Понятно, кто крайний. Москвичей-то не тронете, а мы – вот они. Кому в тюрьму-то охота? У всех жены, дети. Не от хорошей жизни мы здесь хребет ломаем. Деньги нужны. – И со злостью: – Ну давай! Хватай, сажай!

– Ты успокойся. Никто вас не тронет, если вы и в самом деле не виноваты. Ты скажи мне вот что... Какое у Курехина было образование?

– Какое такое образование? – наморщил низкий лоб Макс.

– Школу он закончил?

– Ну. Девятый класс осилил еле-еле. Потом колледж, – оскалился бригадир. – Есть у нас такой. Раньше было ПТУ, а теперь – колледж.

– Грамотный?

– Кто? Ванька? А вот ты сам смотри...

Бригадир достал из кармана заляпанных штанов мятую бумажку. Аккуратно расправил ее на колене и протянул ему. Он тоже аккуратно, двумя пальцами взял, стал читать. «Я Курехин Иван нынчи взял у брегадира две (2) тыщы рублей под зар плату...» Двадцатое июля, подпись. Странно. Почерк вроде бы тот же, и подпись похожа, но текст расписки абсолютно безграмотный. Как два разных человека писали!

– Это было написано на твоих глазах? – спросил он у Мака.

– Ну.

– Так. Дай прикинуть... Два дня назад... А Курехин сказал, зачем ему нужны деньги?

– А я не спрашивал. Надо так надо.

– Погоди... А у него был пистолет?

– Чего-о?

– Дело в том, что он застрелился.

– Кто? Ванька?

– Он оставил предсмертную записку.

– Чего-о?

– А почему он вчера с вами не поехал?

Бригадир пожал квадратными плечами:

– Я че, ему нянька? Может, к бабе пошел.

– Ну хорошо. Давно ты его знаешь, Курехина?

– Пару лет. Прошлый год прибился к нам. Четверо нас

было, один утонул.

– Как утонул?

– Да так. Нырнул и не вынырнул, – бригадир кивнул в сторону реки. – Жарко было. Отработали мы и купаться пошли. Он и... Того, в общем. Бабу его жалко, детей. Она и сказала. Возьми племяша на заработки. Ваньку то есть. Ну, я и взял. Он им помогал. Деньгами. В благодарность, значит.

– Так. Ваня помогал деньгами тетке. А матери помогал?

– Вроде, да.

– Может, и любимой девушке? Девушка у него была?

– Вроде, не было.

– Ну а были у него причины покончить жизнь самоубийством?

– Чего-о?

– Понятно. Я это возьму, – кивнул он на расписку. – Не возражаешь?

– Чего с него теперь взять? – махнул рукой бригадир. – Все одно, помер. Ну не везет мне! Прямо, как заколдовали четвертого! Один потонул, другого грохнули. Ну не везет!

– А почему ты думаешь, что его убили?

– Ну, не сам же он...

– Ладно... – он поднялся. – Это мы выясним. Хозяину пока не звони.

– Это как же?

– А зачем? Криминал пока не установлен, вот проведем почерковедческую экспертизу...

- Чего-о?
- Где его личные вещи?
- Ну дома.
- В доме, который вы снимаете?
- Ну.
- Собирайся, поехали.
- Куда?
- Туда. Понятым будешь.

Он положил расписку в черную папку и направился к потрепанной «девятке». Бригадир поплелся следом.

* * *

Расписку он занес Эдику. Положил на стол добытый трофей и удрученно сказал:

– Похоже, влипли мы. Читай, эксперт. Что делать-то будем?

– А я тебе говорил... – Мотало повертел в руках расписку, понюхал и зачем-то лизнул.

– Смотри, не слопай, не вкусно, – и Андрей Котяев тяжело вздохнул. – Ума не приложу: ну кому он сдался, этот Ваня Курехин?

– Всякое бывает. – Эдик поправил очки и принялся изучать текст расписки. – Может, увидел то, чего ему видеть не следовало?

– Может, и так. А предсмертная записка?

– Загадка, – коротко прокомментировал Мотало. – Есть еще оружие. Пистолет, из которого он предположительно застрелился.

– Ну да. Пробьем по базе, номера-то есть. Но точно знаю: денег, чтобы купить пистолет, у Курехина не было. Две тысячи, которые Ваня взял у бригадира под зарплату – это не деньги.

– А украсть?

– И это проверим. Хотя, версия тупая. Парень лезет в чужой дом, украсть пистолет, чтобы потом из него застрелиться! А проще нельзя? К примеру, повеситься. Или утопиться. Под поезд броситься. Да мало ли способов!

Эдик, против обыкновения, молчал.

– Что молчишь? – не выдержал он.

– Все это... бессмысленно.

– Не понял?

– А что тут понимать? Все бессмысленно. Расследование это бессмысленно. Жизнь бессмысленна.

– Э-э-э... Ты в депрессию-то не впадай! Было бы из-за чего!

– Это конец. И знаешь, я рад.

– Мотало, что ты несешь? – разозлился он. – Какой ко-

нец? Конец чего? Подумаешь, мелочь! Парень застрелился на бережку! Ну даже если его убили... Да ты за двадцать лет видел столько трупов...

– Это не то... – поморщился Эдик.

– Не понял?

– Это... Как бы тебе объяснить? Ну, в общем, конец.

– Тьфу! Совсем крыша поехала! Начитался всякой дряни! Я тебе говорил: брось это. Этого, как его... Фрейда и всю его поганую компанию. Брось, слышишь? – Мотало вяло кивнул. – Ты, вот что... Тебе надо выпить, Эдик. Напиться до порсячьего визга тебе надо. А лучше в отпуск.

– Ну и что мне даст отпуск? Буду сидеть дома, в гордом одиночестве, пить водку или читать, потом опять пить...

– Хочешь, я тебе путевку выбью? Поедешь в санаторий, познакомишься с девушкой.

– Ну какие девушки? – грустно улыбнулся Мотало. – Ты посмотри на меня.

– Ну что ты, Эдик! Ты ж мужик в самом соку! Только свистни – набегут! Хватит киснуть. Вот погоди: скоро выглянет солнышко, дело о самоубийстве Вани Курехина благополучно отправится в архив, а мы с тобой отправимся в отпуск... Кстати, надо бы его матери сообщить. Ох, не люблю я это дело!

– А кто любит? – вздохнул Мотало.

Вечером Эдик пришел к нему, как и обещал. В кармане бутылка водки, под мышкой зажат батон полукопченой колбасы.

– Ну, это и у меня есть, – усмехнулся он.

– Колбаса?

– Водка! Ты так и шел по улице? – поинтересовался он, выдергивая у Эдика из-под мышки колбасу.

– А что?

– Блин! Мотало, ты никогда не женишься!

– А я и не хочу... – Эдик потянул носом: – Андрон, чем пахнет?

– Е! Котлеты!

Он побежал на кухню, перевернул жарившиеся на сковороде котлеты. Запахло гарью.

– Чего-то я этот процесс никак не осилю, – пожаловался он Эдику. – Все время подгорают.

– Мать приезжала? – кивнул тот на котлеты.

– Ага. Ты садись.

Эдик присел на шаткий табурет, сложил руки на коленях, как школьник. Спросил:

– Как она?

– Нормально. Вся в делах.

– Урожая в этом году, похоже, не будет, – вздохнул Мота-

ло, глядя в окно. – Дожди все залили.

– А тебе не параллельно? У тебя-то дачи нет.

– Да так. Все говорят.

– Это точно. Только об этом и слышу. Мать придет, сядет на диван и понеслась! Тра-та-та-та-та! Как из пулемета! Картошка гниет, огурцы мокнут, помидоры тля жрет... Слышь? Она там зимовать собирается! В дачном поселке!

– Что, совсем плохо?

– У нас с ней? Да как обычно.... Ну, вроде все. Добил я эти котлеты. И с другой стороны подгорели, блин!

– Ничего. Я съем.

Андрей поставил сковородку на стол и полез в холодильник за солеными огурцами.

– А записку-то, похоже, Курехин писал, – вздохнул ему в спину Эдик.

– И что?

– И знаешь, писал ее в спокойной обстановке. Старательно выводя каждую букву. То есть, давления на него оказано не было, и он, похоже, ничего не боялся. Сидел и писал, как прилежный ученик. О том, что добровольно уходит из жизни.

– Скажи еще: диктант писал, – усмехнулся Котяев, с трудом выколупывая из банки огромный огурец. – Все время удивлялся: и как это мать умудряется запихивать их в банку? И почему не собирает урожай, когда они нормального размера? Нет, дождется пока станут как кабачки, и тогда уже

начинает рассовывать по банкам! Сколько ни просил ее этого не делать, бесполезно!

– Диктант? – задумчиво переспросил Эдик. – Может, и так.

– И кто ж учитель?

– Ты меня спрашиваешь?

– Чего сидишь? Разливай!

– В войну родилась, – сказал Мотало, задумчиво глядя, как он режет огромный огурец.

– Кто?

– Антонина Петровна. Мама твоя.

– Это из чего следует? Из соленого огурца?

– Вот ты надо мной смеешься, а напрасно.

– Я не смеюсь... Она родилась в пятидесятых, если на то пошло... Давай-ка мы с тобой, Эдик, выпьем за лето! За хорошую погоду!

– Так она ж дрянь!

– Ну не вечно же это будет продолжаться? Давай. За солнышко.

Выпили по первой. Он потянулся к сковороде, вилокй развалил пополам горелую котлету. Нехотя стал жевать.

– Скучно, – зевнул Мотало.

– А ты наливай!

– ...Вот ты говоришь, у меня крыша поехала.

Лицо у Эдика стало красное, жиденькие, мокрые от пота пряди волос прилипли ко лбу с огромными залысинами,

очки сползли на самый кончик длинного носа. Они только что прикончили первую бутылку водки и, как обычно, начали спорить до хрипоты.

– Точно! Поехала! Причем давно!

– Ты просто тупой, ограниченный человек, Кот. Такой же, как все.

– Ну, спасибо! Я твой единственный друг! – он стукнул кулаком в грудь. – И ты мне... мне!

– Не-ет... Ты мне не друг... Ты меня ис... – Эдик икнул, – используешь.

– Тю-ю! Совсем спятил! Что с тебя можно поиметь, Мотало ты хреново?

– Тебе выпить не с кем. И поговорить тебе не с кем. У тебя, Кот, друзей нет. Потому что ты – Кот. Гуляешь сам по себе.

– А я не обижаюсь. Было бы на кого. Ну, еще по одной?

– Не хочу, – Эдик оттолкнул рюмку. – Нет, ты послушай... Послушай...

– Молчи уже, Буратино!

Эдик и в самом деле словно одеревенел, руки повисли, на кончике длинного носа покачивались элитные очки, того и гляди, свалятся на пол. Андрей не выдержал, снял их и положил на стол перед Мотало.

– Буратино из полена, – важно сказал тот, тараша подслеповатые глаза. – А я, Кот... Я на восемьдесят процентов из воды! Я – человек!

– Кто? Ты? Ты человек? Может, скажешь еще, что ты мужик? Да ты за всю жизнь ни одной бабы не трахнул!

Мотало всхлипнул:

– Я тебе... как человеку... а ты...

Андрей уже понял, что сказал лишнее. Даже пьяному не стоило. Ну, не стоило так. Пробормотал:

– Ну извини. Извини, слышишь?

– Нет, ты прав, – Эдик заплакал. – Я ничтожество. Прав ты. Ты, Кот, всегда прав. Потому что ты из породы правых. Есть такая порода людей. Они правые по праву силы...

Пьяные люди ведут себя по-разному. Одни становятся буйными, другие навязчивыми, третьи начинают швыряться деньгами, четвертые хамят, пятые просто-напросто отключаются. А напившийся Эдик раскисал и начинал заниматься самобичеванием. Он как раз вошел в эту стадию. В ответ на откровенное хамство Мотало по-детски расплакался и разразился следующим монологом:

– Вот ты говоришь, ни одной бабы... И это ужасное слово: трахнуть. Я их все знаю, эти ужасные слова. Но они из меня не идут, понимаешь? Ну не идут. Вот я говорю: пенис... И такая муть в душе поднимается! Такое ощущение, что меня сейчас вырвет! Или, к примеру: оргазм. Или вот это: эякуляция. Ну, это еще ничего. А вот: вагина. Ну не могу я... – Эдик всхлипнул. – А почему? Может, потому что я несомременный? Или больной? И кто их только придумал, эти ужасные слова? Ведь с этого все и начинается. Я знаю. Я книж-

ки умные читал. Главное: это назвать. Понимаешь? Назвать процесс... Ты все понимаешь... Вот я не могу сказать: трахнуть. Поэтому и трахнуть не могу! Ну не хочу я трахать! Я любить хочу, а не трахать! А кого мне любить, когда все хотят трахаться?

– А! Вот видишь: назвал! Этот, как ты говоришь ... процесс. И неоднократно. Значит – можешь! И трахаться можешь!

– Отстань! Отвяжись от меня!

– Да кому ты нужен?

– Я несчастный человек, – всхлипнул Эдик. – Мне надо было бросить эту работу десять... нет, пятнадцать лет назад. Когда все только начиналось... Уйти из органов... Заняться любимым... – всхлип, – любимым делом... Хотел ведь. Я трус, понимаешь? Я – жалкий трус!

– Ты просто болен. Тебе надо лечиться.

– Надо. Только это болезнь... Как бы тебе объяснить? Это и не болезнь вовсе. Я, может быть, лучше вас всех! Да! Я лучше! Я к женщине отношусь, как к существу высшего порядка!

– Чего-о?

– Она для меня всегда на пьедестале. А тут ты со своим: трахнуть! – И Эдик потянулся к бутылке водки.

– Дай сюда! – он тоже схватился за бутылку. – Все! Мотало больше не наливать!

– Тебе что, жалко?

– Водки? Нет! А тебя жалко!

– А со мной теперь все будет в порядке. И даже без водки... Да забирай!

Эдик выпустил из рук бутылку, добавив при этом:

– Тебе нужнее.

– Ты на что намекаешь? – набычился он.

– Я не намекаю.

– Нет, ты намекаешь! Слухай, Мотало, давай без этих своих психотерапевтических штучек! Меня лечить не надо!

– Ты так думаешь? Да у тебя диагноз на лбу написан! Огромными буквами! Ты просто боишься... Потому что ты тоже трус! Ха-ха! Андрон! Я тебя раскусил! Ты – трус!

– Тебе точно надо в отпуск.

– Отведи меня домой, – тихо попросил Мотало.

Андрей взял со стола очки, нацепил Эдику на нос, потом легко поднял с табурета самого Мотало. Поставил на ноги, прислонив к себе, налил водки, выпил, отшвырнул пустую рюмку, обнял Эдика за талию и повел к дверям.

– А как же шашки? – пролепетал тот.

– Шашки будут завтра. Что-то ты, друг, совсем расклеился. А вообще, спасибо, что зашел.

Эдик закрыл глаза, похоже, засыпая на ходу.

«Ничего, донесу», – подумал он. – «И не такое носили...»

В юности Андрюха Котяев занимался тяжелой атлетикой, потом, правда, бросил, надоело. Спорт, он для упертых. Для тех, у кого, кроме физических данных, есть еще воля к побе-

де. Вот насчет воли у Кота было слабовато. Особенно к победе. Он даже курить не мог бросить, хотя пытался это сделать вот уже лет пять. Зачем, правда, не понимал. Просто хотел хоть что-нибудь сделать, хоть как-то изменить свою жизнь, которая была серой и скучной, как ноябрь месяц. В самом начале праздники, а потом нескончаемое ожидание. И время от времени вспышка в мозгу: а ведь это все, конец! И ничего хорошего в жизни уже не будет!

Но что-то случилось сегодня. И Мотало тоже это почувствовал. Их зацепило краем грозовое облако, оно висело здесь, в этой точке, над этим городом, а конкретно над коттеджным поселком, где сегодня был найден труп Вани Курехина. «Авось, пронесет!» – думал Котяев. Но в глубине души, или, как говорил Эдик, в области бессознательного, вытесненное туда усилием воли, было совсем другое...

* * *

Проснувшись, он не сразу вспомнил, что день-то выходной. Вроде, и выпили вчера немного, и спорили недолго, но

голова гудела, во рту было сухо. Глянул в окно – пасмурно. Хотя дождя пока нет. Надо вставать. Надо начинать и этот день тоже.

Выходные он в последнее время проводил по отработанной схеме: утром к маме на дачу, вечером к Оле. Оля была его женщиной с прошлого января, старый год они провожали в одной компании, а новый встретили в одной постели. Работала она в районной поликлинике, в регистратуре, там же они и познакомились, вскоре после того, как Андрей Котяев официально развелся со второй женой. Как-то не задалось: обе бабы были скандалистки, а из-за второй он теперь почти не общался с сыном. Приезжал к нему, но бывшая жена не отпускала ни на шаг, ни его, ни мальчишку, и ни на минуту не умолкала. Говорила в основном о том, как ей сейчас хорошо, как ее ценят на работе, как она похудела и похорошела, как нравится мужчинам и поэтому вот-вот выйдет замуж. Он же все никак не мог разглядеть, как ни старался, ее якобы стройности и похорошевшего лица. Волосы покрасила, да. Но ей не идет. Может, кому-то и нравится, а на его вкус так напротив, подурнела.

– Ну, покажи хоть одного! – не выдерживал он. Послушать бывшую жену, так с ней знакомятся чуть ли не на пороге дома! И тут же замуж предлагают!

– Я тебя лучше на свадьбу позову, – отнекивалась та.

Этой свадьбы он ждал вот уже три года, и процесс, похоже, затягивался. И к сыну Котяев ездить перестал. Во время по-

следнего визита возникло ощущение, что все это говорится для того, чтобы его вернуть. Ленка цену себе набивает. Вот он мог жениться хоть завтра, только не хотелось. Они с Олей жили так. Не гражданским браком, а так. Время от времени, то у него, то у нее. Потом разбегались, находя какие-то срочные дела, и вновь сходились, договаривались о том, чтобы вместе провести выходные, ожидая каждый раз, что эти совместно проведенные выходные сблизят их окончательно, и решение, наконец, будет принято. Но получалось наоборот.

Оле недавно исполнилось двадцать пять, она была очень хорошенькой: среднего роста шатенка, стройная, но не худая, а вся такая аппетитная, с высокой налитой грудью, упругими ягодицами и красивыми, хотя и не длинными ногами, не от ушей, как принято говорить. Эти хорошенькие ножки с округлыми коленями невольно притягивали мужские взгляды. Ступни были маленькие, аккуратные, на ногтях всегда яркий лак, иногда розовый, иногда алый. Глаза у Оли были огромные, серые и наивные.

Вот на этот наивный взгляд он и купился. Подумал, что перед ним ангел, и тут же рванул прямо во врата рая. Открылись они сразу, в то время как он развелся Оля тоже рассталась со своим парнем. Сказала: дурак, мол, и денег заработать не умеет. Детей у нее не было. И все бы ничего, но у нее была очень уж вульгарная речь. Она сыпала всеми этими «блин», «на фиг», «херня какая» и т.д., как из ведра, даже нормальные человеческие слова произносила в нос, и на по-

верку все буквы выговаривала, но почему-то казалось, что у нее дефект речи. И хотя Котяев был человеком без особых претензий и сам не слишком образованный, Олино косоязычие его сильно напрягало. А Эдик Мотало ее просто терпеть не мог, хотя никак это не комментировал. Эдик вообще об этом не говорил, но взгляд его, когда Мотало смотрел на Олю, был удивленный. Лишь однажды Эдик выдал витиеватую фразу о том, что несоответствие формы содержанию есть преступление против гармонии и с этим надо бы что-то делать, но объект дрессировке не поддается вследствие своего примитивизма. На что Котяев привычно ответил:

– Иди ты на х... вместе со своим Фрейдом.

И все.

Он давно уже жил по инерции, как живет большинство людей. День прошел – и слава Богу! Положено у мужчины быть женщине – женщина есть. Красивая, между прочим, с чем не каждому везет. И вообще. Список того, что должно быть у настоящего мужчины, весь отмечен галочками: квартира, машина, дача, женщина... Все это у него есть. Можно запросто доказать теорему, что жизнь удалась. А толку с того? Ну, поставь себе пять баллов и купи пузырь. Вот так и становятся алкоголиками, ежедневно обмывая доказанную теорему о полной своей состоятельности.

Вспомнив, что сегодня выходной, Котяев тут же подумал о матери, об Оле и об Эдике Мотало, после чего потянулся к телефону.

Позвонил он Эдику, чтобы спросить:

– Ты как после вчерашнего?

– Мне нормально, – напыщенно ответил тот.

– Совсем нормально?

– Более или менее.

– Похмелиться хочешь?

– Ты же к маме едешь.

– Я могу к тебе заскочить.

– Спасибо не надо.

– Уверен?

– Отвяжись. Я спать хочу.

– Ну, как знаешь.

Потом он позвонил матери. Сказал:

– Я скоро приеду. Что привезти?

Она начала перечислять. Он знал, что половину забудет, и она это знала, но таков был ритуал. По крайней мере, у него всегда есть повод вернуться в город, в магазин, и немного отдохнуть от «загрузки». Он боролся с преступностью, она с тлей, которая поедала томаты, но ее война, разумеется, была масштабнее и гораздо важнее для общества. Послушать мать, так присоединения к рынку овощей продукта ее суверенной теплицы ждало все прогрессивное человечество.

– ... и хлеба, черного и белого.

– Хорошо.

Запоминается последняя фраза, это еще Штирлиц заметил. Хлеба он привозил столько, что сосед за их счет все лето

кормил кур. Мать его каждый раз ругала, он отговаривался:

– Составляй список.

– Андрей! В твоём возрасте я не страдала склерозом! Это стыдно!

– А зачем ты каждый раз просишь привезти хлеба?

– Ну как же без хлеба?

Вот и сегодня он с корзиной в руках стоял у полок с продуктами в супермаркете и мучительно вспоминал: что же там было, перед черным и белым? Но кроме «и хлеба привези», хоть убей! Надо спросить у Мотало: что бы это значило и как с этим бороться? У Эдика наверняка есть методики. Тренировка памяти и все такое прочее. Надо спросить, а пока... Навалив в корзину для покупок хлеба, он для верности добавил макароны с гречкой и пошел на кассу.

К большому удивлению, на этот раз его не стали ругать. Оказалось, что с соседом, дядей Колей, мать заключила бартерную сделку. В обмен на черствый хлеб тот приносил ей куриные яйца, немного, но матери хватало. Она очень этому радовалась: экономия. И теперь говорила взахлеб:

– Таких в магазине не купишь! У них желтки ярко-желтые!

– Ну и что?

– Как что? Это же свои... понимаешь? Свои яйца!

Он едва удержался, чтобы не сказать пошлость. Закусив губу, выскочил на улицу, и тут же из-за забора окликнул сосед:

– Андрюха, зайди. Пропустим по рюмочке.

Пить ему не хотелось, но дядю Колю нельзя не уважить. Он приезжает усталый, замотанный, злой, все время хочет спать, а у матери что ни день, то проблема. Дом старый: то крыша протекла, то половица сгнила, забор завалился... Что бы они делали без дяди Коли?

Потому переломил себя и зашел. Звал его сосед по вполне понятной причине: раньше они были коллегами. Дядя Коля всю жизнь проработал участковым, а этой весной пошел, наконец, на пенсию, но по работе скучал, это было заметно. Каждый пенсионер проходит период адаптации, надо привыкнуть к мысли, что он не в отпуске, а свободен пожизненно, и так теперь будет всегда. Вот и сосед, хотя и маялся, но говорил, что всем доволен. У практичного дяди Коли всего было в достатке, кроме общения.

Они расположились в беседке. Оплетшее ее растение в народе называли «бешеный огурец». Оно и впрямь бешено размножалось на соседние участки, бороться с ним было бесполезно, проще использовать для создания спасительной в жаркий летний день тени. Сейчас не было ни жары, ни тени, один только «бешеный огурец».

Сели. Дядя Коля, не спеша, разлил водку, с чувством нарезал розовое домашнее сало, положил смачный кусок на ломоть хлеба, протянул Андрею:

– На. Закуси.

Выпили. Он с аппетитом принялся за сало.

– Заночуешь? – спросил дядя Коля.

– Не. Поеду.

– Зря. Хорошо здесь. Тихо, спокойно.

– Привыкаешь потихоньку? Ну, как оно, на пенсии?

– А, хорошо! – оживился дядя Коля. – Хозяйство у меня

большое, пока работал, недосуг было заняться, а теперь живу как барин! Овощи свои, курочек держу, кролей развел. Осень придет – кабанчика заведу. Буду откармливать.

– Ты корову заведи, – посоветовал Котяев. – Тогда и молоко будет свое.

– А что? Заведу и корову! Жизнь здесь здоровая, на свежем воздухе, на родниковой воде. Не то, что у вас в городе.

«Вот вам! Уже и у вас!». Он уперся взглядом в «бешеный огурец» и попробовал отключиться. Дядя Коля захлеб продолжал расхваливать жизнь в деревне.

Все это нам давно известно. Как говорит начитавшийся всякой заумной пакости Мотало, сработал механизм защиты. Если человеку чего-то не хватает, и он не может заполучить то, чего ему не хватает, включается этот самый механизм. Работает он по двум принципам: «кислый виноград» и «сладкий лимон». Мне это не надо, потому что виноград еще зелен. И вообще, он невкусный, кислый. Или: то, что у меня есть, как бы ничтожно это ни было, все равно слаще меда. Вот если человек это говорит, значит, он сильно разочарован в жизни.

Дядя Коля, который, видимо, очень тосковал по своей ра-

боте, жал на обе педали: ругал город и взахлеб расхваливал своих кролей.

«Кролики – это не только ценный мех...»

– Опять пьешь? – раздался звонкий голосок.

Андрей поднял глаза и обомлел. Тоненькая, почти прозрачная девушка городского вида, с короткой стрижкой, в обтягивающих джинсах и топике, открывающем пупок с пирсингом, смотрела на них и морщила носик. Он сидел, она стояла, его взгляд невольно уперся в пупок, в золотое колечко. Одиноким солнечным луч прошил облака, царапнул колечко; камушек сверкнул, Андрей невольно зажмурился. Аж дыхание перехватило. Стало вдруг так сладко...

– Тебе чего, Машка? – недовольно сказал дядя Коля. – Ишь, вырядилась! Пупок прикрой!

– А мне не холодно!

– Тебе-то не холодно. А детей ты рожать собираешься? Так и застудиться недолго!

– Отстань! Алкоголик!

– Чего-о? Это я-то алкоголик?!

– Да ты каждый день пьешь!

– Да я с соседом...

– Какая разница, с кем? Я ухожу. Можешь пить дальше.

– Куда это ты собралась?

– Гулять!

– Я тебе покажу: гулять!

– Я уже взрослая! Что хочу, то и делаю!

– Погоди, я вот матери позвоню.

– Я ей уже звонила. Вернусь поздно.

Тоненькая девушка резко развернулась и пошла, нет, полетела по саду. Андрей, не отрываясь, смотрел ей вслед.

– Эй! Машка! – закричал дядя Коля. – Чтоб в десять дома была!

– Еще чего! – не оборачиваясь, сказала та. И исчезла.

– Внучка, – вздохнул дядя Коля. И начал жаловаться. – Ну и молодежь пошла! Нет, ты скажи, Андрюха, почему они такие?

– Не знаю.

И в самом деле, почему? Почему они такие красивые? Ну, откуда?

– Давай, Андрюха, еще по одной, – и дядя Коля потянулся к бутылке.

– Не, я не буду, – закрыл он огромной ладонью свою рюмку. – Мне ехать. Вот сальца – с удовольствием!

– Да это ради Бога! Угощайся!

Дядя Коля щедро принялся нарезать сало. После чего опрокинул рюмку водки, вытер усы и продолжил:

– Воспитываешь их, воспитываешь. И, вроде, правильно воспитываешь. И все одно, делают по-своему. Ты глянь – пупок проколола! Да мать ее, Анька, серьги в уши вставила, только когда ей восемнадцать стукнуло! Деньги с год копили, потом всей семьей пошли в магазин, купили. Золотые! Вот радости было! А этой шестнадцать, так у нее не только уши

в трех местах, уже и пупок проколот! А дальше что? Кольцо в нос? И куда только родители смотрят! Вот Анька приедет, я ей скажу. Скажу: упустишь дочку. Погоди: в подоле принесет. И школы не закончит.

– Да ладно тебе, – не выдержал он. – Хорошая девушка.

– Да что ты понимаешь, – махнул рукой дядя Коля. – Хорошая. Все они хорошие. Мозги только у них засра...е. Я перед тем, как на пенсию уйти, одного такого из петли вынул. Тоже: в ухе серьга, ногти как у девки намазаны. И чего, спрашивается, не жилось? Они, вишь ли, в жизни разочарованные! С жиру бесятся! Пишет: «В моей смерти прошу никого не винить, я, мол, ухожу из жизни добровольно и без всякого принуждения».

Он невольно вздрогнул:

– Как-как?

– Добровольно и без всякого принуждения, – зло сказал дядя Коля. – Будто таких можно принудить! Самостоятельные больно!

– А больше в записке ничего не было?

– А чего там еще должно быть? Число, подпись. И так все понятно.

– Постой... Когда это было?

– Весной.

– А точнее?

– Ну, в начале марта. А тебе зачем?

– Да так. Странно все это.

– Это уж точно! Ну, с чего парню лезть в петлю? Из благополучной семьи, родители оба работают, значит, деньги есть, папка шибко не пьет. Машина, опять же, дача. Они на дачу – а он в петлю. Ну, с чего?

– А выводы следствия?

– Повестка ему пришла, – нехотя сказал дядя Коля. – В армию. Говорят, испугался. Ну, этого я хоть убей, не понимаю! Все служили. И ни о какой дедовщине слыхом не слыхивали. А сейчас, что ни день: избили, убили, изнасиловали, застрелился, повесился. Запугали ребят. Такую бучу подняли! Я газеты каждый день читаю. Что творится, а? В какой стране живем?

– Да, наверное, – рассеянно сказал он.

– Я тебе говорю, Андрюха: всех захватят китайцы. Они надвигаются с Дальнего Востока. Чистая саранча! И здесь уже одни китайцы!

– Где? – он обернулся. Взгляд уперся в зеленую стену «бешеного огурца». Через просветы он усиленно старался разглядеть оккупировавших страну китайцев.

– Да везде! Ты в город съезди! Сам увидишь!

– Я там живу. Китайцев нет.

– Плохо смотрел, – сердито сказал дядя Коля. – Я тебе говорю: идет порабощение русского народа. Вот иду я вчера по нашей деревенской улице и вижу: навстречу на велосипеде едет негритенок!

– А... Это ж внук Веры Федоровны. На каникулы, значит,

приехал. У нее старшая дочь вышла замуж за француза.

– Это я знаю, – отмахнулся дядя Коля. – А почему ж он негр?

– Ты футбол смотришь?

– Ну, смотрю.

– Кто играет за Францию?

Дядя Коля задумался. Нехотя сказал:

– Разный народ. И эти есть. Кучерявые.

– То-то. Так что все в порядке, – сказал он. – Дочка Веры Федоровны живет во Франции, все у нее хорошо, страну оккупировать не собирается.

– Все одно получается белибердень. Я ему говорю: как тебя зовут? А он мне на чистом русском отвечает: Саша!

– Андрей! Вот ты где!

Он невольно вздрогнул: мать! Стоит на пороге беседки, лицо недовольное.

– Я тебя обыскалась!

– Да мы тут, Тонь, посидели немного с Андрюхой, – загудел дядя Коля. – Ты уж не сердись.

Лицо у матери сделалось умильное.

– Да ничего страшного, – залезбила она перед благодетелем-соседом. – Дел много, а он, небось, сегодня же и уедет.

– Тонь, ну надо же человеку отдохнуть!

– Надо-то надо. Насос мне кто наладит? А? Андрей?

– Мать, какой насос? – оторопел он. – У нас и так болото на участке! Лягушки квакают!

– Ну не вечно же это будет продолжаться?

– Да надо неделю жары, чтоб просохло! А кто ее обещает? Наоборот. Вчера в новостях сказали: и август месяц тоже будет дождливым.

– Точно! – подтвердил дядя Коля. – Сам слышал!

– Мало ли что говорят, – надулась мать. – Ты сделай, а там пусть говорят, что хотят. Я буду готова ко всему.

– А дамбу тебе не построить? – разозлился он. – А то вдруг речушка, что в километре отсюда выйдет из берегов и затопит твое Гадюкино? А, может, ты рис будешь выращивать? Во, кстати! Понаедут скоро китайцы, а тут ты со своим рисом! Ко всему готова!

– Да ладно, чего ты, – хлопнул его по плечу дядя Коля. – Мать надо уважить. А ты, Антонина, не переживай. Ежели что, налажу я тебе насос. Делов-то на пять минут!

– Ой, спасибо! – расцвела мать. – Что бы я без тебя делала!

Он уже понял суть маневра. Мать – великий дипломат. Сражается она на всех фронтах: с захватчицей тлей при помощи химикатов, с проживающим на ее территории сыном путем непрерывного давления, а дядя Коля – влиятельное соседнее государство, с которым надо дружить, тогда оно окажет помощь. Поднялся, нехотя. Хотелось вытянуть из дяди Коли побольше информации о парне, который повесился в начале марта. Ну да ничего. Можно пойти и другим путем.

– Идем, – сказал матери. И направился к калитке.

Едва за ним поспевая, та продолжала тараторить:

– Ты бы, Андрюша, привез свою-то сюда. Я гляну, какая она хозяйка. Вот когда Лена была, так она раньше меня вставала. Я чую: блинами пахнет. Откуда блины-то? А она уже встала, тесто закрутила, сковороду разжарила...

Лена – это и есть его вторая бывшая. Звонила, что ли? И когда это Ленка вставала засветло? Ну, пару раз было. Почему-то эти считанные разы мать помнит, а как собачилась со снохой и та на ночь глядя уезжала отсюда, схватив в охапку маленького сына, не помнит! Теперь Ленка, которая всегда была плохая, стала вдруг хорошей! Избирательное свойство человеческой памяти. Надо бы у Эдика спросить: в чем причина? Тоже механизм защиты?

– А эта твоя, Оля, гулящая.

Он резко обернулся:

– Ты-то откуда знаешь?

– Так весь город знает!

– А ты там бываешь, в городе?

Отвела глаза. Точно: Ленка звонила! Видать, не получается у нее замуж. Зашагал широко к своей калитке, мать засемила следом.

– Андрюша, мать плохого не посоветует, – сказала ему в спину.

– Ты бы, мама, не слушала сплетни. Оболгать можно кого хочешь.

– Ну, как же, Андрюша? Раз люди говорят...

Он остановился у крыльца.

– Мам, где насос? Тащи его сюда!

Та не трогалась с места. Тихо сказала:

– Ну так как же, Андрюша? Ждать мне вас? Когда?

И он сдался, не выдержав ее просящего взгляда.

– Хорошо, я поговорю с Олей. Может, она и поедет.

– Как так не поедет? Сколько вы уже вместе живете, а она здесь ни разу не была!

– Мам, ну сколько можно повторять: мы не живем вместе.

Она мне никто, понимаешь?

– Тогда зачем ты сегодня едешь в город?

– Потому что я мужик! – заорал он. – А мужику нужна баба!

– Вот что значит: ребенок вырос без отца!

– Я не понял, – набычился «ребенок». Сорок шестой размер обуви, в плечах косая сажень. – А какая связь?

– Ты никогда меня не понимал! И не поймешь!

Развернулась и ушла в дом.

Финиш. Понятно, зачем он ей был так нужен, не в насосе дело. Попытка влияния на его сознание, с Ленкиной подачи, между прочим! Вот зараза! Бывшая, разумеется, не мать. Мать что? Она и в самом деле желает ему добра. Но у него-то память покрепче будет, и хорошего было так мало, а плохого так много, что он до сих пор с содроганием вспоминает о семи годах совместной жизни с Еленой Евгеньевной.

Вместо того чтобы подключить насос, он занялся машиной, попутно думая о том, что поведал в беседке дядя Коля.

Завтра надо рассказать и Мотало о парне, который повесился в начале марта. Или не пока не стоит?

* * *

Следователь Мамаев, а среди своих Мама, к которому Андрей Котяев обратился за помощью, долго не мог взять в толк: а в чем, собственно, дело?

– Видишь ли, Сан Саныч, – пытался втолковать он, – у меня на днях был похожий случай.

– Что, парень повесился после того, как повестка в армию пришла? Так весенний призыв, вроде, закончился. Хотя, постой... Студент, что ли? Или старшеклассник? Выпускник?

– Нет. Гастарбайтер. И, насколько я знаю, уже отслужил.

– Постой... Так что ж ты мне мозги паришь?

– А ты уверен, что он повесился?

– Кто? Крылов?

– Как ты говоришь? Крылов?

– Ты что, и фамилии его не знаешь? – рассердился Мамаев. – Тогда я вообще не понимаю...

– Ты, Мама, не горячись. Я просто хочу узнать обстоятельства, при которых он... Ну, допустим, повесился.

– Что значит, допустим?

Он отвел глаза:

– В нашей работе всякое бывает.

– Кот, да ты что?! Ты за кого меня принимаешь?!!

– Постой. Не горячись.

– Ну, ты... – следовательно судорожно сглотнул, но, видать, сдержался. – Сильно ты меня обидел, Андрей.

– Извини. Я ж тебе говорю: на днях был похожий случай. И у эксперта возникли сомнения. Выстрел, мол, сделан с близкого расстояния, но расположение входного отверстия...

– Стоп. Какой выстрел? Я ж тебе говорю, что Саша Крылов повесился!

– Все дело в записке, – терпеливо пояснил он.

– Записка как записка, – пожал плечами Мамаев.

– Ага. «В моей смерти прошу никого не винить. Я уйду из жизни добровольно, без всякого принуждения». Число, подпись. И ни единой грамматической ошибки.

– Ты-то откуда знаешь?

– В пятый раз тебе, Сан Саныч, говорю: на днях был похожий случай. Все бы ничего, предсмертная записка и в самом деле написана покойником. Все дело в том, что парень учился плохо, русский язык знал еле-еле на троечку. И сам текст. Ну не похоже это на Курехина. Я говорю о якобы за-

стрелившемся гастарбайтере.

– А если списал?

– Не понял?

– В книжке прочитал. В кино увидел. Да мало ли?

– Скажи мне, Мама, честно... Только без обид! – взмолился он. – Есть хоть какие-нибудь сомнения в том, что этот... как его, Саша Крылов, не добровольно ушел из жизни? Что ему помогли?

– Нет, – твердо ответил следователь. – Абсолютно никаких сомнений. Не веришь мне – спроси судмедэксперта, который делал вскрытие, оперов. Все чисто, поэтому я с чистой совестью закрыл дело. Записка написана Крыловым, квартира, в которой он повесился, заперта на замок изнутри, следы борьбы, и вообще, какого бы то ни было беспорядка, отсутствуют. Посторонних там не было.

– А мотив? Почему восемнадцатилетний парень вдруг полез в петлю?

– Это что, единичный случай? Ты газеты читаешь?

– Слыхал, что подростки нынче с крыш многоэтажек сигают. Но это ж от несчастной любви!

– Или от разочарованности в жизни. Крылов был из хорошей семьи. Дом, что называется, полная чаша. Родители его баловали, учебой он, по слухам, не напрягался. А тут вдруг: армия! Ну и сломался парень.

– А девушка у него была?

– Девушки не было. Я всех опрашивал. Главная причи-

на, по которой подростки кончают жизнь самоубийством – несчастная любовь, здесь ты прав. Но Крылов – это не тот случай.

– А почему это у восемнадцатилетнего парня не было девушки? Самое время романы крутить!

– А у него были прыщи!

– Как-как?

– Собственно, у кого их не было? – пожал плечами следователь. – У меня вот сын тоже мается. Веришь, нет? Даже к врачу его водил! Ничего не поморгает! Мази какие-то выписали, гели... Воняют, сил нет! А толку чуть! Вот и Саша Крылов... Ну прямо беда! Не лицо, а... В общем, неприятно.

– Тогда несчастная любовь вполне могла послужить мотивом, – задумчиво сказал он.

– Слушай, Кот, чего ты пристал? Да какая тебе разница, почему?

– Вот когда у нас будет третий труп, вот тогда все забегают! А я не хочу, чтобы он был, понимаешь? У меня тоже есть сын...

– И у меня есть, – перебил его следователь. – Почти ровесник Крылова, между прочим. Шестнадцать лет. И потому, когда погибает подросток, я землю носом рою. И тоже хочу знать: почему? С ними работают только СМИ, и ты сам знаешь, как, а нужны психологи. Профессионалы нужны. Если бы было кого привлечь к ответственности, я бы завел уголовное дело, клянусь! Но он сам, понимаешь? Сам! Ну не

военкомат же мне привлекать? Есть закон о всеобщей воинской обязанности.

– Да не в законе дело, – махнул он рукой. – Тут, похоже, другое. Я в совпадения не верю.

– Если я чем-то могу тебе помочь... – развел руками Мамаев.

– В том-то и дело, – он тяжело вздохнул. – Крылов жил в городе, там же и повесился, Курехина нашли в районе, и вообще, он не местный. Эти два дела объединить не удастся, как ни крути. И вообще: кто этим будет заниматься? Спасибо, хоть что ты мне не отказал. Нормально поговорили.

– Да ладно. Не первый год друг друга знаем. – Следователь вдруг улыбнулся: – Как там этот ваш поживает, Мотало? Забавный мужик!

– Эдик – умница.

– А с головой у него все в порядке? Такие перлы выдает!

Читал, как же.

– Мотало, между прочим, умнее нас всех, – слегка обиделся он за Эдика.

– Ах да! Вы ж приятели! Кто ж спорит? Ума ему не занимать. Видать, книжек много читает, – усмехнулся Мамаев. – Ну, привет ему передавай.

– Обязательно.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Накрапывал дождь. Он шел к машине и думал: а что дальше? Эти два дела связывала только предсмертная записка. Причем, один

парень сам ушел из жизни, а другому, похоже, помогли. Надо будет у Эдика спросить: каковы результаты вскрытия? И узнать, что там с оружием? Откуда взялся пистолет? Дождь расходился, и он невольно поежился. Опять начинается! Это лето, похоже, побьет все рекорды по количеству выпавших осадков!

Потом Андрей Котяев какое-то время сидел в машине, тупо смотрел на капли дождя, облотившие лобовое стекло. Они были такие крупные, что казалось, машину атакует пчелиный рой. Стояло непрерывное гудение, капли-пчелы разбивались о препятствие, возникшее на пути, обильно орошая его наполняющей их влагой. Он сидел и ждал, когда перемежится дождь.

...Машину он остановил у выезда на трассу, на окраине коттеджного поселка. Того самого, где трудился Ваня Курехин со товарищи. Дождь прекратился, но тучи сдружились так, что и не собирались расходиться. У них, похоже, все только начиналось. Небо было тяжелое, мрачное, и настроение не лучше. Андрей Котяев брел вдоль ряда глухих заборов высотой в два человеческих роста и думал о своем.

Похоже, дождь на время разогнал и строителей. В прогалах знакомого забора он увидел только горы блоков, кирпича и мокрые доски. Рабочих не было, хотя потрепанная «девятка» стояла на своем месте.

Хотел было уходить, но тут его кто-то окликнул. Обернувшись: мужик в заляпанной робе, с дочерна загорелым лицом.

Спросил нехотя:

– Чего тебе?

– Я знаю, куда он ходил.

– Кто?

– Ванька. Идем, я тебе покажу.

Его потянули за рукав. Пока шли, спросил:

– Ты кто?

– Петр.

– Ты с ним работал?

– Да.

Его спутник был немногословен. Они дошли до конца улицы, где Петр указал на трехэтажный особняк под крышей из металлочерепицы. Все тот же высокий забор, у калитки переговорное устройство и глазок видеокамеры.

– Здесь, – кивнул на дом Петр.

– То есть, ты хочешь сказать, что Ваня Курехин ходил сюда?

– Ходил.

– Часто?

– Один раз.

– Всего один раз? Или ты видел его здесь один раз?

– Да.

– Зачем он сюда ходил?

Петр молчал. Они стояли на почтительном расстоянии от переговорного устройства.

– Может, его попросили что-то починить? – предположил

он.

Петр молчал.

– Ты сам откуда? Тоже пензенский?

Петр молча кивнул.

– Как хозяйева? Не обижают?

Петр так же молча пожал плечами: хозяйева как хозяйева.

Андрей тяжело вздохнул:

– Ну иди, – И добавил: – Разберемся.

Напарник Вани Курехина ушел. Он какое-то время топтался у забора. Достал из кармана пачку сигарет, машинально вытянул одну, потом спохватился и засунул обратно. Серdito затолкал пачку в карман джинсовой куртки. Посмотрел на небо: дождя пока не было.

Ну и что дальше? Позвонить в дверь? «Ничего не знаем, ничего не видели». «Да, приходил чинить водопровод». И все.

Он все-таки позвонил. К большому удивлению Андрея Котяева, ему открыли. Сначала он принял ее за мужчину, эту коренастую женщину с очень короткой стрижкой. Потом заметил грудь и невольно отвел глаза. По виду этой дамы было понятно, что она никому не позволяла безнаказанно пялиться на ее грудь.

– Чего тебе? – нелюбезно спросила привратница.

– Я из милиции.

К его удивлению, женщина посторонилась.

– Заходи.

Он неуверенно вошел и огляделся. На изумрудной волне газона, в пене розовых бутонов, покоился остров затейливого трехэтажного особняка. Мраморные колонны на пристани, спящие вулканы печных труб, гетто для прислуги и озеро с пресной водой, оно же бассейн, где-то на окраине, подалее от зала с камином, столицы маленького островного государства.

Человек, не привыкший к роскоши, в таких местах чувствует себя неудобно. Понятно, что у тебя никогда этого не будет, даже завидовать бессмысленно. А как относиться к людям, у которых все это есть? Если чуть больше, чем у тебя, это одно, в два раза, в три, тоже понятно, но существует предел, за которым уже никаких чувств не остается, кроме одного: поскорее отсюда уйти и, как говорит Эдик, вытеснить увиденное в область бессознательного. Никогда больше об этом не вспоминать, потому что воображение не может нарисовать денег, которые здесь потрачены. Ну отказывается оно это делать, и все! Ну не работает! Потому что, сколько ни вообрази, все равно окажется мало. Здесь дорого, красиво и... страшно.

Испытав всю эту гамму чувств, он остановился на дорожке, ведущей к дому. Вокруг масляно блестели изумрудные газоны, на которые недавно пролился дождь.

– Ну, чего встал? Заходи!

– В дом?

– Ты же из милиции? – усмехнулась женщина.

– Да.

– Ну и чего встал?

«К миллионерам надо посылать ментов – миллионеров», – подумал он. – «Тогда будет толк. Чином не ниже генерала».

– В гостиную проходи, – сказала привратница.

Он какое-то время стоял в холле, среди вычурных напольных ваз и статуй, сам как одна из них, не шелохнувшись. На стенах висели картины. Полы были мраморные, или из чего там? Таких отделочных материалов он не знал. Потом опомнился и зашагал вперед. Его грязные кроссовки оставляли на плитках следы в рубчик; джинсы, как он заметил, тоже были грязные. Запах здесь был, как в раю, сладкий, но не приторный, насыщающий, а не возбуждающий аппетит. Кусок в горло не лез в этих хоромах. Невидимые слуги курили фиамам невидимым богам, и музыка невидимых скрипок только угадывалась. Он прислушался: на самом деле в огромном доме было тихо.

– Прямо и в дверь, – коротко сказала привратница.

Он пошел прямо. По дороге забыл, зачем пришел, коридор был длинный. Шел, как в музее, разглядывая экспонаты и тщетно пытаясь запомнить, что видел, будто ему предстояло сдать на положительную оценку сочинение. Было такое в школе.

«Еще и жить здесь?! Не-ет...»

Стал, как дурак, посреди гостиной. На полу лежал огром-

ный ковер, он стал прямо на этот ковер. И что дальше? При-
вратница исчезла. Сделал шаг вперед: на ковре остался руб-
чик из грязи и пара мелких камешков. Он отступил и замер.
– Здравствуйте.

Он обернулся и тут же невольно опустил глаза: перед ним
стояла красавица. Больше он ничего не разглядел, никаких
подробностей. Кажется, она была брюнетка. Обычно мужчи-
на стесняется рассматривать красивых женщин, если только
на нем не солнцезащитные очки. Глянул – и все. Слеп. Ка-
кие тут нужны подробности? Красавица – и все. Неважно,
что у нее на подбородке прыщик, а шея коротка. Быть мо-
жет, и глаза маленькие, а нос слишком длинный. Хотя она,
возможно, только об этом и думает, красавицам свойствен-
но заикливаться на ерунде. Они постоянно думают о сво-
ем недостатке, который никто просто-напросто не замечает,
и переживают, ну сил нет! Впрочем, это делает их еще пре-
краснее.

Увидев хозяйку дома, он стал тем, чем становится муж-
чина в присутствии незнакомой красивой женщины: полным
ослом. Потому что говорит не то, что думает и делает не то,
что хочет. Ну не может же он заорать: «Ты красивая! Я тебя
хочу!» И наброситься на нее с поцелуями тоже не может. Вот
он и совершает ряд поступков, противоречащих его желани-
ям, и несет при этом всякую чушь. Или молчит.

Он молчал.

– Садитесь, – гостеприимно предложила хозяйка.

Он не сделал ни шагу.

– Ну что же вы? Садитесь. Ходите, в кресло, а хотите, на диван. Где вам будет удобнее?

Сел на диван, на самый краешек, готовый тут же вскочить и кинуться к двери. Сердце выстукивало в грудную клетку что-то похожее на сигнал SOS.

– Выпьете что-нибудь?

Наконец он смог из себя выдавить:

– Я не пью. Я на работе.

– Я же не предлагаю вам напиться, – улыбнулась она. – Я предлагаю выпить. Виски? Джин? Или, может, бокал вина? Вы какое предпочитаете? Белое, красное? Сухое или крепленое?

– Водку, – ляпнул он.

– Гена! Принеси нам водки! – крикнула она и заметила: – Отличный выбор! Вы знаете толк в напитках!

– Я, собственно, по другому делу, – промямлил он.

– Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

Почему-то вместо Гены явилась давешняя привратница с подносом в руках. На нем стоял графин с прозрачной, как слеза, жидкостью и две маленькие рюмки. На расписанной золотом лазоревой тарелочке лежало что-то, похожее на бутерброды, только очень маленькие, на один укус.

– А чем вы предпочитаете закусывать водку? – нежно спросила она. – Я, должно быть, не угадала?

– Я пошутил. Насчет водки, – сказал он хрипло. – Не буду

я пить.

– Даже со мной? – она улыбнулась. – Неужели вы мне откажете?

Он залился краской. Ее голос звучал как музыка, надо признать, она владела этим инструментом обольщения искусно, то понижая, а то беря высокие ноты и заставляя сердце собеседника трепетать: не сорвется ли? Он даже подумал: «Неужто певица?» Запах ее духов был под стать голосу, такого широкого диапазона, что невозможно было понять, сладкий он, или, напротив, с горчинкой. Невольно он все время принохивался, пытаясь разгадать секрет этих духов. Мешала сама хозяйка, ее красота и взгляд, который он никак не мог поймать, хотя она не отводила глаз и, кажется, тоже его разглядывала. Пауза в диалоге была такой густой, насыщенной эмоциями, что он ее и не заметил. Хозяйка же держала паузу, как хорошая актриса, с чувством, со вкусом, уверенная в том, что первая же реплика произведет на зрителей сильное впечатление.

Подошла привратница, налила в рюмки водку. До краев. Посмотрела на него с усмешкой. «Издеваются», – отчего-то подумал он. Хозяйка первой потянулась к рюмке. «Неужели будет пить водку?» Она выпила легко, как воду, очень изящно, и так же изящно положила в алый ротик крохотный бутерброд. «Нет, это не водка. Это какой-то обман».

Выпил и убедился: водка. Точно: издеваются.

– Курите, – великодушно предложила она. – Здесь можно

курить.

Он невольно вздрогнул: и в самом деле, сильно! Как она угадала? Прокашлялся, но голос все же был хриплым, когда он сказал:

– Спасибо, но я не курю.

– Нет, курите. И не надо этого стесняться. Себя вообще стесняться не надо. Вы такой, какой есть. Так что, пожалуйста, курите.

– Я не стесняюсь. Я курил, но бросил.

– Это вы себя уговариваете или меня? Лично я вижу, что вы курите.

– Это потому что у меня сигареты в кармане?

– Значит, вы все-таки носите их с собой? – она с удовлетворением кивнула. Лицо ее неуловимо изменилось, он увидел вдруг совершенно другого человека, умного, пронзительного, и впервые задумался над тем, сколько же ей лет?

– Вы все время заставляете меня делать то, что я делать не хочу, – и, набывчившись, он в упор спросил: – Зачем?

– Если вы это поняли, я, похоже, теряю квалификацию. Это шутка. Ну? С чем вы ко мне пришли?

– Скажите, у вас есть паспорт?

Она расхохоталась:

– Хотите узнать, сколько мне лет?

– Я хочу узнать имя, фамилию, отчество.

– Да я вам и так скажу. Алина Вальман. Алина Александровна, если хотите.

– И все-таки, можно ваш паспорт?

– Да помилуйте! Вы что, собрались меня допрашивать по всем правилам?

– Я вовсе не собираюсь вас допрашивать. Допрашивать вас будут в прокуратуре.

– А вы не из прокуратуры?

– Я из милиции.

– Тогда представьтесь, пожалуйста.

Совсем мозги отшибло! Он должен был сделать это в первую очередь! Представиться и показать свое удостоверение!

– Старший оперуполномоченный Котяев. Андрей Митрофанович. Я сейчас покажу вам удостоверение, – он неловко полез в карман, наткнулся на пачку сигарет и отдернул руку, будто обжегся.

– Я не хочу удостоверение, – надула она алые губки. – Давайте так: я не показываю вам свой паспорт, и вы можете не показывать мне свое удостоверение. Идет?

– Нет, не идет.

– Почему? – взмах огромных ресниц.

– Потому что так не положено.

– Ну перестаньте. Капризничать – привилегия женщины.

– Я не капризничаю. Я просто делаю свою работу.

– Вот и делайте. Задавайте мне свои вопросы. Я умираю от любопытства: что же там случилось? Неужели кого-нибудь убили?

– А если и так? Вам не страшно?

– Нет, – улыбнулась она и... нежно посмотрела на мужеподобную привратницу. Та улыбнулась в ответ.

Он оторопел.

– Гена, нам не страшно? – напевно просила у привратницы (или кто она там?) хозяйка дома.

Вот оно что! Гена – это и есть мужеподобная особа! И все-таки: мужчина это или женщина? Существо молча пожало плечами, подошло к столу и налило полную рюмку водки. Ту самую рюмку, из которой пила Алина Вальман. Та спокойно на это смотрела и улыбалась.

– Я могу на нее положиться, – понизив голос, доверительно сказала ему Алина. – Гена надежно меня охраняет вот уже несколько лет.

И все-таки, женщина!

Гена точным, мужским жестом опрокинула рюмку водки. Закусывать не стала. Вообще, странно она себя вела. Не как прислуга, но и не как хозяйка. И даже не как подруга хозяйки. Принесла поднос с кухни, садиться не садилась, но водку налила без разрешения, выпила одна. Охрана, значит.

– Итак? – Алина Вальман смотрела на него с улыбкой. – Что же у нас случилось?

Он сдался. Да на кой ее паспорт? Достаточно просто посмотреть на Алину Вальман, и воображение мигом дорисует остальное. Не надо опускать ее с небес на землю. Ну не надо. Пара вопросов, и он отсюда уходит. Ответы известны зара-

нее. Хотя... Эта женщина непредсказуема. Ее лицо меняется каждую минуту. Нет, каждую секунду. Есть такие лица, вся красота которых не в правильных чертах, а в постоянном движении, в мимике, в игре тени и света, которая делает его то дурным, то невообразимо прекрасным. На это хочется смотреть, не отрываясь. Он и смотрел. Кажется, она это знала, и, как и голосом, владела своим лицом в совершенстве. Все остальное довершала косметика, со вкусом подобранные украшения и одежда известных торговых марок, которую она выбирала для себя безошибочно, только то, что идет. Кажется, она была невысокого роста, но в обуви на высоком каблуке, даже у себя дома; ноги скрывали легкие светлые брюки, талию – полупрозрачное одеяние свободного покроя.

– Недалеко от вашего дома найден труп. Вот этот парень... – он полез в карман, достал фотографию, – говорят, заходил сюда.

Он положил на стол фотографию, чтобы не передавать ее из рук в руки. Более тесного контакта с Алиной Вальман не хотелось. То есть, его подсознание (согласно Эдику Мотало) страстно этого жаждало, но инстинкт самосохранения был начеку. Внутренний голос советовал Андриюхе Котяеву держаться от этой женщины подальше.

Она взяла со стола фотографию, мельком на нее глянула, потом протянула стоящей рядом женщине:

– Гена, как? Кажется, мы его здесь видели?

– Да, – кивнула та. – Он копал сточную канаву.

И вернула фотографию Алине. Та положила ее на стол и пояснила ему:

– Дом у меня небольшой, поэтому прислуга приходящая. Здесь постоянно живем только мы с Геной. По будням приходит садовник, два рада в неделю домработница. Еще есть кухарка, но ее услугами я пользуюсь не каждый день. Иногда ужинаю в городе, в ресторане. Или в гостях, – быстрых взмах ресниц, еле уловимая улыбка. – У меня много знакомых, среди них много мужчин. Я часто уезжаю, у меня, кроме загородного дома, есть пентхаус в Москве, я там бываю, а в холодное время года живу за границей. У меня там есть пара домов. Во Франции, на побережье, и... Впрочем, я отвлеклась. Я только хотела сказать, что для мелких хозяйственных работ нанимаю людей случайных. Через Гену, разумеется. Этим летом много дождей. Мои газоны в ужасном состоянии, вот я и попросила Гену что-то с этим сделать. Она пошла на ближайшую стройку и... Этот мальчик делал дренаж на участке.

– Копал сточную канаву? – уточнил он.

– Именно, – кивнула Алина Вальман. – Это все?

«Мальчик», – подумал он. – «Сколько же ей лет? Ване Курехину было двадцать четыре. Да лет тридцать, похоже. Или... Неужто больше? Да нет. Не может быть».

– Сколько вы ему заплатили?

Она смутилась. Он слегка напрягся. Что это? Легенду до

конца не отработали? Или она не любит говорить о деньгах? Выводы делать преждевременно.

– Гена, сколько? – беспомощно посмотрела Алина Вальман на телохранительницу.

– Тысячу, – ответила та.

– Тысячу рублей? – уточнил он.

– Это много или мало? – с улыбкой спросила Алина, которая уже пришла в себя. – Извините, я живу другой жизнью и не всегда могу предсказать реакцию людей не моего круга, упоминая ту или иную сумму денег. Поэтому стараюсь о них не говорить.

– Я строителей не нанимаю, – резко ответил он. – Разве что мать. Соседа дядю Колю за бутылку водки.

– Выходит, я переплатила? – наивно спросила Алина. – Гена, слышишь? Мы переплатили! Скажите, а какую водку берут строители? Я в этом, если честно, не разбираюсь.

– Сорок градусов, – мрачно сказал он. – Можно самогон.

– Гена, у нас есть самогон?

Та пожала плечами.

– А где он продается? – спросила у него Алина Вальман.

Терпение его кончилось. Он встал, засунул в карман фотографию и сурово сказал:

– Я буду иметь в виду ваши показания. Значит, он заходил сюда один раз? Не больше?

– Возможно, что не один, – Алина Вальман тоже поднялась. – Канава была глубокой.

– А он ничего вам не рассказывал? О себе, о своем городе, о...

Поймал ее удивленный взгляд и осекся. Представил, как полуграмотный Ваня Курехин сидит в этой роскошной гостиной, пьет кофе и рассказывает о жизни в Пензе. Она вообще знает, где это? Маршруты Алины Вальман лежат в другом направлении: к берегам Европы. Глупость сказал.

– Гена вас проводит. На всякий случай: вот моя визитка. Если у вас возникнут ко мне еще какие-то вопросы, пожалуйста, звоните.

Он взял протянутую визитку. Бумага цвета слоновой кости, должно быть, дорогая. Красные буквы: «Алина Вальман». Ниже телефон: 666-06-66. Он невольно вздрогнул. Она смотрела на него и странно улыбалась.

– Спасибо, – хрипло сказал он.

– Свои координаты не оставите? – все с той же странной улыбкой спросила она.

– 02.

– Я сейчас запишу.

– Лучше купите справочник.

– Я, конечно, богатая женщина, но не транжира. Ваш телефон мне, может, еще и понадобится, а вот все остальные вряд ли.

– Вы что, не болеете? Вам не грозит пожар?

– На этот случай у меня есть страховка. Если же я заболею, мне вряд ли придет в голову набрать телефон «скорой»

помощи». Ко мне приедут из частной клиники, где я прохожу ежегодное обследование. Всего хорошего. Гена, проводи.

Когда калитка захлопнулась, он не сразу пришел в себя. Мыслями все еще был там, в гостиной у Алины Вальман. Чувства были противоречивые. Хотелось бежать отсюда как можно скорее, и в то же время страстно хотелось остаться. А она, похоже, ждала. Ждала, что он вернется. Показалось, что глазок видеокамеры живой. За ним следили. Стряхнул оцепенение и принял, наконец, решение. Бежать. Попятился, чтобы оказаться вне зоны видимости. Все это было странно. Почему его впустили? Почему хозяйка была с ним так любезна? Если она не имеет ко всему этому никакого отношения, зачем тратить время на какого-то оперуполномоченного? Что ей от него надо?

«Дурак», – мысленно обругал он себя. «Ну почему, если богатый, так обязательно хам? Она помогла мне сделать мою работу, только и всего. И ничего за этим нет».

Он дошел до своей машины, сел в нее и опять какое-то время смотрел, не двигаясь, на лобовое стекло, все в грязных потеках. Словно на кофейной гуще гадал, пытаюсь по разводам определить дальнейший ход событий. Потом машинально вставил ключ в замок зажигания и включил дворники. Машину он купил за наличные, продав старую и подкопив денег, недорогую иномарку, и даже без кондиционера. Пока он об этом не пожалел, в это лето печка нужна была гораздо больше, чем кондиционер.

Но некоторые думали иначе. Некоторым, чтобы возить свою задницу, требовалась не просто машина, а чтобы все на нее пялились. Чтобы знали: едет человек богатый. Он так и подумал, когда увидел красную «Бентли». Потом он увидел водителя, и рука сама потянулась, чтобы выключить дворники. «Бентли» какое-то время стояла на повороте на трассу, зрение у Котяева было острое, и он вполне мог разглядеть подробности. К примеру, руку на руле, в черной перчатке. Без пальцев, с дырочками для вентиляции, не просто перчатку, а маленькое произведение искусства. И профиль женщины тщательно рассмотрел: нос у нее был с горбинкой. Острый подбородок, трогательные черные волоски сзади, на нежной шее. А сами волосы собраны в высокую прическу. Он рассмотрел и заколку с камушками. И тут Алина Вальман повернула голову направо, пропуская машину, ехавшую по главной, и он ясно увидел на шее, там, где заканчивался трогательный завиток, татуировку. Кажется, это был раздвоенный язык змеи и верхняя часть ее головы. И в это время «Бентли» тронулась с места.

Алина Вальман была в глубокой задумчивости. Ехала она, вне всякого сомнения, в Москву, ехала одна, без Гены, возможно, на свидание. Ведь среди ее знакомых было много мужчин, она сама так сказала. Он проводил глазами ее машину и поехал в другую сторону.

* * *

Во владения Эдика Мотало он в последнее время ходил с дурным предчувствием. Не обмануло его предчувствие и на этот раз.

Эдик встретил словами:

– У меня две новости: плохая и плохая. С какой начать?

– Давай с плохой.

– И все-таки, Ваню Курехина убили.

Он смотрел на Эдика, Эдик смотрел в потолок.

– Ты уверен?

– Да. Я подробно написал об этом в заключении. Лично у меня нет никаких сомнений. Но... На оружие только его отпечатки пальцев, и ничьих больше. Почерковедческая экспертиза показала, что предсмертная записка написана именно Курехиным. В этом тоже нет никаких сомнений.

– И все-таки его убили, – задумчиво сказал он. – Ну а какая плохая новость?

– Оружие. Пистолет «ТТ», из которого он... Из которого

его убили. Он краденый.

– Как-как?

– Числится в розыске. Его украли этой зимой из загородного дома бизнесмена Пугаева. Вместе с другими вещами. Если ты хочешь полный список украденного...

– На кой он мне сдался?

– И правильно. Банальная кража со взломом. Господин Пугаев постоянно проживает в городе Москве, поселок, в котором находится его загородный дом, конечно, охраняемый, но сторож, зараза, пьет. Или в доле.

Эдик был подозрительно официален и все время отводил глаза. Смотрел то в стену, то в потолок, то в бумаги, только не на него. Андрей не выдержал:

– Мотало, что случилось?

– Ничего.

– Ты мне врешь, – ласково сказал Андрей. – А врать ты не умеешь.

– Где ты был сегодня? – вдруг спросил Эдик.

– Опрашивал свидетелей.

– Где?

– В том самом поселке, где нашли труп Курехина.

– А ты мне все говоришь?

– Я что, обязан приходить к тебе с докладом? – насмешливо спросил Котяев. – Ты мне начальство? Я, кстати, не помню, чтобы ты интересовался моей работой. По-моему, тебе всегда было параллельно. Кстати... – спохватился он. – Ты,

часом, не в опера решил податься? Сменить род деятельности? С какого дуба ты вдруг принялся выяснять все про этот «ТТ»? А?

– Я знаю, что у тебя напряженные отношения с коллегами. Потому что ты – Кот, ты гуляешь сам по себя. Тебе не любят, Андрон. На то, чтобы отыскать пистолет, у тебя ушла бы уйма времени.

– Тебя любят! И с чего вдруг ты так заторопился? А? Эдик отвел глаза.

– Дай сюда заключение экспертизы, – сердито сказал он. – Этого Пугаева надо бы привлечь к ответственности за хранение огнестрельного оружия. Разбрасывают повсюду пистолеты...

– У него есть разрешение, – спокойно заметил Мотало.

– Чего он тогда с собой его не увез? В Москву? А?

– Потому что и в Москве у него есть оружие.

– И тоже есть на него разрешение?

– Представь себе.

– Во народ живет! Буржуи от денег лопаются! Скоро оружейные склады будут скупать! И забивать дачи гранатометами! Танка у него, часом, нет?

– Курехин никак не мог украсть пистолет, – тихо сказал Эдик. – Этой зимой он, скорее всего, был у себя на родине. В Пензе. Это легко проверить.

– Ну, значит, он его купил!

– А деньги?

– Ну, значит, это не его пистолет! Кстати, пойду, узнаю подробности. Ты у кого наводил справки?

– У Феофанова.

– А, у Сани... И с чего ты взял, что я с ним не лажу?

Он открыл папку и положил туда Эдикову писульку. Сказать по правде, Котяев пользовался приятельскими отношениями с судмедэкспертом и частенько нарушал букву закона. Субординацию и все такое прочее. Просто брал все, что ему хотелось, и получал информацию, которая могла пригодиться. Возбудят уголовное дело по факту насильственной смерти Вани Курехина или не возбудят, решать не ему. А вот если предположение Андрея Котяева верно, и скоро у них будет и третий труп, на этот случай он подготовился. Маньяков надо чувствовать, а это не каждому дано.

Вот, кстати, сидит один: Эдик Мотало. С таким несчастным видом, что у Андрея рука дрогнула. Из папки выпал кусочек картона. Визитка Алины Вальман, которую он небрежно засунул в бумаги.

Эдик нагнулся и проворно ее поднял. И присвистнул:

– Вот с этой женщиной я хотел бы познакомиться!

– Ни к чему. Дай сюда! – он протянул руку. – Ну?

– Она красивая, да? – жадно спросил Эдик, вернув визитку.

– Чистая ведьма. Крокодил в юбке, – добавил он для верности.

– Брюнетка?

– Да тебе-то что?

– Она брюнетка! – рассмеялся Мотало. – Я так и думал!

Эдик заметно повеселел.

– Баба как баба, – слегка осадил он эксперта.

– Э, нет! Это необычная женщина! Женщина – мечта!

– Да с чего ты взял? – разозлился он. – Из кусочка картона, на котором написан номер телефона?

– Зато какой номер! Вот мы с тобой люди не суеверные, всякого насмотрелись. Решился бы ты взять такой телефонный номер? Дважды число дьявола, 666 в квадрате!

– Да мне параллельно, – проворчал он. – Хоть в кубе!

– И это: Алина Вальман! – с восторгом сказал Эдик.

– Думаешь, она еврейка?

– Дурак. Еще и невежа. Вот скажи: какие марки пистолетов ты знаешь?

– Ну, «Макаров», «ГТ».

– А импортные?

– «Беретта», «кольт», «браунинг»... слушай, чего пристал?

– «Вальман» – это тоже пистолет. Производство Испании. Автоматический, чистый вес 620 грамм. Легкий. Дамский, а? 620 грамм! – захлебываясь от восторга, выкрикнул Эдик.

– Ты-то откуда знаешь?

– Потому что мне скучно. Я холост, у меня нет детей. И друзей у Андрея тоже нет. – «Свинья ты неблагодарная». – Мои друзья – книги. Если я не читаю, то просто листаю их.

Энциклопедию огнестрельного оружия, к примеру. И у меня хорошая память.

– Выходит, Алина Вальман – это псевдоним? Вот почему она отказалась показать мне свой паспорт!

– А она отказалась?

Эдик счастливо рассмеялся.

– Короче, пошел я, – мрачно сказал Андрей. – Спасибо за помощь.

– Думаешь, я для тебя стараюсь? – прищурился Мотало. – Я стараюсь для себя.

– Медаль, что ли, решил заработать на грудь? – проворчал он. – Или благодарность от начальства?

– Я решил стать человеком, – важно сказал Эдик.

– Ну, вперед. Удачи тебе. А я пошел работать.

Выяснив подробности про украденный пистолет, он взял это на заметку и позвонил Мамаеву.

– Сан Саныч, это опять я. Извини за беспокойство, у меня вопрос: этот Крылов где-нибудь работал?

– Да. На заправочной станции.

– Кем?

– Рабочим. Бензин в баки заливал.

– Блатная работенка, а?

– Ну так! Папа устроил.

– А почему его папа в вуз не устроил?

– В вузе учиться надо. А на заправке можно и без образования деньги лопатой грести.

– А почему тогда его папа от армии не отмазал?

– Слушай, чего ты пристал? Иди спроси у папы!

– А что за заправка?

– На выезде из города. Помнишь, на повороте? Там еще магазинчик под синей крышей, а рядом автобусная остановка.

Он уже догадался, что речь идет о повороте на тот самый коттеджный поселок, где нашли труп Курехина. И где был особняк Алины Вальман.

– Спасибо, я понял.

– Не за что.

И он поехал на заправочную станцию. Бензина в баке, кстати, было кот наплакал. Сначала он залил полный бак, присматриваясь к парнишке, обслуживающему клиентов. В машину садиться не спешил.

– Здесь не курят, – предупредил парнишка.

И разозлил капитана Котяева, сил нет: на лбу у него, что ли, это написано? Он мстительно достал из кармана удостоверение:

– Отойдем в сторонку. На пару слов.

– А что я такого сделал? – сразу напрягся парень.

– Да успокойся ты. Справки навести хочу.

– Вы бы сначала машину отогнали, – и рабочий кивнул на красную «Ладу», пристроившуюся в хвост его машине.

– А ты, парень, не сбежишь?

– От вас убежишь, как же!

Он сел в машину, отогнал ее на самый край площадки. Подошел парнишка, лицо несчастное. Похоже, химичат они тут.

– Ну что, поговорим? – спросил он. – Да ты расслабься.

– Я здесь ни при чем. Я только бензин в баки наливаю.

– Саша Крылов тоже этим занимался?

– Какой Саша?

– Крылов.

– Я не понимаю... Он же...

– Умер. Я знаю.

– Я уже все сказал, – торопливо заговорил парнишка. – И в милицию я ходил. Меня повесткой вызывали. Он сам, понимаете? Я здесь ни при чем.

– Это понятно. Я тебя о другом хотел спросить... – он машинально дотронулся до кармана, где лежала пачка сигарет и с сожалением посмотрел на бензоколонку. – Меня интересует женщина. Брюнетка. На красной «Бентли».

– Здесь много брюнеток проезжает, – усмехнулся парнишка. – И «Бентли» случаются. И даже красные.

– Ну, эту женщину ты должен был запомнить. Она из местных. Живет в коттеджном поселке километрах в пяти отсюда. Возможно, постоянная клиентка. Очень красивая! – с чувством сказал он. – И имя у нее красивое: Алина.

– Алина? – переспросил парнишка. – Я, кажется, знаю, о ком вы говорите. Щедрая дамочка. Всегда оставляет чаевые.

– Выходит, ты ее знаешь?

– Да как сказать? Ее всегда Саня обслуживал. А потом она исчезла. Месяца два я ее не видел. Недавно опять объявилась, но подъехала она не ко мне. К Сереге. Хотите, спросите у него.

– Спрошу. Но сначала ты мне скажи. Имя ее откуда узнал? Она тебе сказала?

– Ага, – хмыкнул парнишка. – Подъехала и говорит: «Меня зовут Алина. Давай знакомиться!»

– Ты дурачка не играй. Дело серьезное. Кто тебе сказал, как ее зовут?

– Саня.

– Крылов?

– Да.

– А он откуда узнал?

– Да они вроде того... – парень хмыкнул. – В общем, я однажды видел, как Саня садится в ее машину.

– Вот как? – его голос слегка охрип от волнения. – А тебе не кажется странным, что миллионерша, красавица, крутит роман с восемнадцатилетним парнишкой, у которого, к тому же, все лицо в прыщах? На кой он ей сдался?

– У них свои причуды. У миллионеров. Кто их разберет?

– Значит, у них и в самом деле был роман?

– Смеетесь?

– Тогда что? Что их связывало?

– Не знаю. Честное слово, не знаю! – взмолился парнишка.

– Ну а Крылов тебе что говорил?

– А мы с ним друзьями не были. Даже приятелями. Он из богатеньких.

– Кстати, не знаешь, почему его папа от армии не отмазал?

– Да, вроде, поссорились они.

– И папа решил его наказать?

– Да нет. Саня сам сказал: надоело от родаков зависеть. Подумаешь, год отслужить! Зато потом тыкать не будут, деньгами попрекать, которые отдали за закос.

– То есть... Ты хочешь сказать, что он сам захотел идти в армию?

– Ну да. Сейчас этого никто не боится. Наоборот. Отслужил год – и свободен. Верите, нет, младший брат мой, который баллов в вуз не набрал, аттестат получил и рванул в военкомат. Возьмите, говорит, в армию! Правильно: а куда деваться? А ему: гуляй пока, у нас и так перебор.

– Вот даже как... А следователю ты об этом рассказывал?

– А он меня не спрашивал.

– А о чем спрашивал?

– О работе. Не было ли у Сани здесь проблем? А какие проблемы? Работа как работа, – пожал плечами парнишка. – Нас и так проверками замучили, и сколько ни проверяли, ничего не нашли. Его работа здесь ни при чем. Не из-за работы он повесился, это уж точно. Я так и сказал.

– Понятно... Значит, Саня Крылов был знаком с Алиной Вальман. Она его даже подвозила на своей «Бентли». В какую сторону они поехали, не подскажешь?

– В Москву. Она повернула налево.

– В Москву... Ну а сам ты что думаешь? Из-за чего он повесился?

– Кто его знает? Он в последнее время повеселел.

– Повеселел?

– Ну да.

– Ничего не рассказывал?

– Я ж говорю, что мы с ним не дружили. Может, кому-то и рассказывал. Извините, мне работать надо.

– Мне тоже.

– Да я все рассказал! Клянусь! Ну не знаю я, почему он повесился! Да вам-то не все равно? Достали все! В милицию таскают, папа его замучил!

– Папа?

– Ну да. Тоже приходил, спрашивал: как да что? Узнаю, говорит, кто его до петли довел – убью!

– Так и сказал?

– Саня у него был один. Я, если честно, не понимаю: ну чего ему не хватало?

– А долгов у него, часом, не было? Может, он в казино играл? В карты?

– Если в и были... Я же сказал: из богатеньких он. Только глазом моргни: родители отвалят, сколько хочешь. Работать мне надо, – взмолился парнишка, – вон, начальник в мою сторону смотрит! Ему-то уже все равно, Сане, а меня уволят.

– Ну иди. Работай.

Парень ушел. Андрей сел в машину и поехал домой. Рабочий день заканчивался, надо было привести в порядок мысли и обдумать дальнейший план действий. Кроме предсмертной записки Саню Крылова и Ваню Курехина, оказывается, связывало знакомство с Алиной Вальман. Она, разумеется, скажет, что Саша, или «мальчик», приезжал заменить свечи. Или масло в двигателе. Не обязательно в «Бентли», у нее гараж на две машины, как он успел заметить. И тут же вспомнил: «Для мелкой работы я нанимаю людей случайных». Один копал сточную канаву, другой менял свечи. И оба «мальчика» теперь мертвы.

Странная женщина. Она не похожа на убийцу. И что ей до этих букашек, Сани и Вани? Она – птица другого полета. Это ж ястреб! Собирать то, что ползает, когда можно бить то, что бегаёт? Или даже то, что летает!

Есть еще Гена. Тоже странная женщина. Которую связывают с Алиной Вальман странные отношения. Неужели они любовницы? Или банальное: деньги? А может, родственницы? Всякое бывает. Гене на вид лет сорок – сорок пять. Тетя, двоюродная сестра, родство по мужу... Все это надо проверить.

И надо бы выяснить, откуда у нее деньги, у госпожи Вальман. Не похоже, что она трудится с утра до ночи. Или «свободный художник»? Интересно, где же можно заработать такие деньги? Присутствия в доме мужчины он не заметил, во всяком случае, постоянного присутствия. Обручального

кольца на пальце у Алины нет. Значит, не замужем. «У меня много знакомых мужчин», – сказала она. Его передернуло. Неужели занимается проституцией? Фу ты, какая чушь! Профессионалок он чует за версту, слава тебе, посмотрелся! А если профессионалка высокого класса? Супер? Обслуживает очень богатых мужчин. Нет, не похоже. У нее взгляд состоявшейся женщины, которая ни от кого не зависит и ни перед кем не заискивает. И все-таки, откуда у нее деньги?

Надо сделать запрос. Надо узнать: кто такая Алина Вальман?

Вот этим он завтра и займется.

* * *

Ответ на его запрос пришел быстро. Она, действительно, была Алиной Александровной Вальман, тридцати четырех лет от роду, а родилась, кстати, в Московской области, на самой ее окраине, в маленьком городке с древнейшей историей. Это, впрочем, к делу отношения не имело, и подробности Котяев выяснять не стал.

Интересно было, что, во-первых, Алина Вальман никогда

не была замешана в криминале. То есть, не привлекалась, не состояла, ни разу не проходила по уголовному делу как свидетель, даже не нарушала правил дорожного движения настолько серьезно, чтобы у нее отобрали права, которые приходилось бы потом восстанавливать через суд, не имела просроченных платежей по кредитам. На все запросы ответ был отрицательный. Ей ни разу не отказывали в визе, не заворачивали на границе в окошке паспортного контроля, а ездила она туда, то есть за границу, частенько. Но другого гражданства у нее не было, только российское. Не человек, а кристалл, одним словом, хоть читай через него! Ни единого пятнышка! Андрей Котяев почувствовал разочарование.

Во-вторых, заинтересовало происхождение ее состояния, которое, действительно оказалось немалым. Алина Вальман входила в сотню самых богатых женщин России, и находилась далеко не в самом конце списка. И это огромное состояние досталось ей, кстати, при разводе. Ее бывший муж тоже был человеком богатым и тоже входил в список российских мультимиллионеров по версии журнала «Форбс», правда, занимал там скромное место в третьей сотне. Оно было бы гораздо выше, если бы два года назад ему не пришлось делить нажитое пополам, чтобы откупиться от бывшей жены. У этого господина была забавная фамилия: Копейко. Она же госпожой Копейко никогда не была, даже будучи замужем оставалась Вальман Алиной Александровной. Это был ее третий брак. Ни от одного из мужей детей у Алины не было.

Странность заключалась в том, что господин Копейко даже не пытался сопротивляться дележу имущества, хотя до вступления в брак с ним Алина не имела практически ничего, а он, напротив, имел все. История знает немало скандалов, связанных с разводами богатых людей. Крайне неохотно кто-то из них идет на уступки, бьется до конца за нажитое непосильным трудом, спекулирует детьми, вытаскивает на свет грязное белье, достает из тайных шкафов все скелеты, какие там есть, и даже не стесняется прибегать к шантажу. И уж, конечно, все знают подробности из прессы, это бурно обсуждается простыми смертными и на форумах в Инете, и на кухнях.

У Игоря Михайловича Копейко и Алины Вальман не было детей, следовательно, она не могла рассчитывать даже на алименты. По какой причине бывший муж безропотно отдал Алине Вальман половину своего состояния, оставалось загадкой. Разошлись они мирно, без скандалов, и все поделили полюбовно. Ровно пополам. Правда, с тех пор господин Копейко сумел еще подзаработать денег, она же ограничилась выгодным их вложением. Похоже, бизнес ее не интересовал.

У нее, действительно, имелась недвижимость за границей, об этом писали в глянцевого журналов, до которых Алина иногда снисходила, и даже яхта. Он нашел фотографию этой яхты у берегов Венеции, госпожа Вальман посетила город в дни знаменитого кинофестиваля. Она была желанной гостьей на презентациях элитных бутиков, показах мод, теат-

ральных— и кинопремьермах. Ей были рады в самых закрытых и пафосных ночных клубах. О ней регулярно упоминали в светской хронике, где ампула Алины обозначалось как «светская львица». Имелась галерея ее фотографий со знаменитостями, и неизвестно, кто больше гордился знакомством.

И все это госпожа Вальман получила через выгодный брак с рублевским миллионером. Ей бы книги писать о том, как соблазнить, женить, и все такое прочее, но она этим не занималась. Вопрос: почему? Видимо, слава не прельщала ее так же, как не интересовал бизнес.

Что касается глянцевого журналов, то они писали об Алине просто как о богатой женщине, которая обладает искусством тратить деньги. Если уж госпожа Вальман кого-то или что-то рекомендовала, то это было гарантией отменного качества. Она была тем маяком, на который ориентируются люди, имеющие деньги, но не имеющие вкуса. Она могла бы и сама на этом зарабатывать, но, как уже было сказано, бизнес в любом виде ее не интересовал. Среди ее знакомых помимо звезд были политики, банкиры, партнеры по бизнесу бывшего мужа, жены этих политиков, банкиров, бывших партнеров и даже их любовницы. Она была в хороших отношениях с мужчинами и в натянутых с женщинами. Впрочем, последние всегда прислушивались к ее мнению и внимательно следили за тем, как она одета и куда ездит отдыхать.

Ходили сплетни, что это роковая женщина, которая по-

жирает мужчин, а заодно поглощает их состояния, но, тем не менее, она везде была желанной гостьей. Богатые мужчины заставляли своих жен общаться с Алиной Вальман, а любовницам советовали брать с нее пример. Алина вполне могла стать телезвездой, с такой-то внешностью и репутацией! Но и это ее, похоже, не интересовало. Она не демонстрировала широкой публике свои дома и чудеса ландшафтного дизайна, яхта попала в журнал, видимо, случайно. Свое тело Алина Вальман также не выставяла напоказ, а предложения, похоже, были. Да как им не быть, когда она была красавицей? Но на мелочи она не разменивалась, в рекламе не нуждалась, и вообще, надо отдать ей должное, сохраняла царственное спокойствие, словно бы река суетной жизни, до краев наполненная мутной, грязной водой, протекала у нее под ногами, даже не касаясь ступней.

Все это он прочитал одним махом и задумался. Увиденное в доме госпожи Вальман произвело сильное впечатление, но впечатление от прочитанного было гораздо сильнее. Ведь она была миллионерша! Она была женщиной, внимания которой искали! О которой писали! Которая сама выбирала, с кем ей быть и как жить!

И она была замешана в деле, которое он расследовал. Собственно, и дела-то никакого не было. Поскольку предсмертная записка была написана самим Курехиным, заключение Эдика Мотало о его якобы насильственной смерти можно было опустить. Кому нужны проблемы? Родители Курехина

настаивать на возбуждении уголовного дела не собирались, это были люди простые и в юридических вопросах абсолютно безграмотные. Вопрос их волновал только один: как свести концы с концами? Семья Курехиных была большая, на смену погибшему брату в бригаду строителей тут же заступил другой, и меньше всего ему надо было, чтобы его таскали в прокуратуру.

Другое дело – Саша Крылов. Его отец развил бурную деятельность, но вот тут, похоже, все было чисто. Кроме мотива, который притянут за уши: причиной самоубийства послужила явно не повестка в армию.

И Андрей Котяев решил еще разок заглянуть в особняк госпожи Вальман, чтобы все-таки задать свой вопрос. Что делал Саша Крылов в ее машине? И увидеть, как она смутится.

* * *

Джинсы он выстирал, вычистил ботинки, побрился до синева и даже брызнул на себя туалетной водой, подарок Оли к 23 февраля. В общем, в полной боевой готовности надавил на кнопку электрического звонка и, обращаясь к глазку видеокамеры, сурово сказал:

– Котяев из милиции. Мне надо поговорить с хозяйкой.

Ему открыли. Гена хмыкнула, окинув его взглядом, и грубо сказала:

– Она занята.

– А мне надо!

– Надо, так проходи. Смотри, не пожалей потом.

– Вот если ты меня непустишь, то пожалеешь, я тебе гарантирую.

Гена посторонилась. Насмешливо спросила:

– Что, очень надо? Так приспичило?

– Я здесь по работе.

– Оно видно. Что по работе.

– Ты меня к хозяйке проводи.

– Идем.

Гена оставила его в холле. Сказала:

– Значит так. Поднимаешься по лестнице на второй этаж.

Пойдешь направо по коридору. Там будут раздвижные двери. Ну, как гармошка. Не стучи – смело входи. Понял?

– Соображу.

Она как-то странно на него посмотрела, криво улыбнулась и ушла. Он пошел, нет, побежал вверх по лестнице. В доме было тихо, похоже, что кроме этих двух женщин – никого. Ни домработницы, ни кухарки. И едой не пахло. Поистине, Алина Вальман – загадка.

Запыхавшись, он стремительно шел по коридору к раздвижной двери. Стучать не надо. О его визите хозяйке наверняка уже сообщили, особняк напичкан электроникой, каждый шаг контролируется. Неудивительно, ведь здесь добра на... На много, в общем.

Он рванул дверь, чуть не сломав ее, сделал шаг вперед и замер. Это была огромных размеров ванная комната. Всю заднюю стену ее занимало огромное зеркало. Посреди, на мраморном полу, стояла ванная, похожая на чашу. Она была сделана из какого-то камня, со странным, молочным блеском. Вода в ванной тоже была белая, похожая на молоко. В ванной, лицом к зеркалу, сидела Алина Вальман. Он увидел собранные на затылке волосы, небрежно заколотые шпильками, и выступающие из воды мраморные плечи. Раскинув капюшон на лопатках Алины, уже знакомая ему кобра раздвоенным языком пыталась коснуться упругого завитка волос на ее затылке. Утопленные в потолок и стены многочисленные лампочки мягко рассеивали свет, отчего казалось, что повсюду разлито жидкое золото.

Дыхание перехватило. Увидев его в зеркало, Алина медленно начала подниматься. Он стоял, понимая, что надо немедленно уходить, но не мог тронуться с места. Зрелище было завораживающим: из молока выползала черная кобра, витатуированная на прекрасном женском теле, на аспиде явственно проступали Алинины позвонки, а кончик хвоста упирался в ложбинку между упругими ягодицами. Только увидев змею целиком, он очнулся и отступил назад, с треском захлопнув дверь. В глазах было темно, мраморное тело Алины его ослепило.

И тут он услышал хохот. Сначала ему показалось, что смеется Алина. Потом сообразил: это из конца коридора. На-

встречу шла Гена и, глядя на него, хохотала.

– Ты-ы... – прохрипел он. – Ты это нарочно... подстроила...

– Тебе ж надо было.

– Так... Нет, так нельзя... нельзя...

– Что, хороша? – подмигнула она. – А ну, пусти!

– Что? – хрипло спросил он. В голове по-прежнему был туман, сердце бешено стучало.

– Пусти, говорю. Дай пройти. Или ты хочешь, чтобы она оттуда так и вышла голой? Я тебя понимаю, – усмехнулась Гена.

Тут он заметил у нее в руках махровый халат.

– Да идите вы...

И, грубо оттолкнув женщину плечом, кинулся бежать.

– Она сейчас спустится! – крикнула вслед Гена. Он бежал до самых ворот. «Издеваются», – стучало в висках. «Точно: издеваются...» Хлопнула калитка, железо загудело. По улице он уже не бежал, шел сначала быстро, но потом замедлил ход. Дыхание выровнялось, мысли тоже постепенно пришли в порядок. И он тут же начал оправдывать Алину. «Это не она. Она ничего не знала. Это Гена. Гена все подстроила».

Но вернуться назад так и не решился. Сел в машину, и какое-то время просто ехал, не соображая, куда и зачем. Его ведь не прогнали, сам ушел. Может, зря?

В таком состоянии примерно через час он пришел к Эдику Мотало. Кто-то должен ему разъяснить. И странное пове-

дение Гены, и саму Алину Вальман, татуировку на ее спине, отсутствие в доме прислуги и запахов еды на кухне. Ее образ жизни, наконец, потому что сам он ни черта не понял. Разъяснить то, что логике не поддается, а лежит в области, где специалист как раз Эдик Мотало, который читает всякие умные книжки. Почему эти люди такие? Что ими движет? И как теперь быть?

В общем, он нуждался в сеансе психотерапии, которую презирал как науку и о бесполезности которой до хрипоты спорил с Эдиком.

Эдик был дома, в своей холостяцкой берлоге, куда Андрей Котяев старался без особой нужды не заходить.

«Бардак» – это еще слишком слабо сказано, если речь идет о жилище Мотало. В однокомнатную квартиру скромных размеров было напихано такое количество вещей, что войдя, гость долго и тщетно искал местечко, куда можно было бы присесть, и никогда не решался снять обувь.

Котяев не раз советовал Эдику подогнать под окна грузовик и покидать туда добрую половину имущества, благо второй этаж, невысоко. Все, чем владел Эдик, за исключением его очков, гроша ломаного не стоило, хотя сам Мотало говорил обратное. Мол, все это бесценно. Среди вещей в его квартире был, к примеру, облезлый самодельный комод, доставшийся в наследство от бабушки. Половина ручек отвалилась, ящики закрываются с большим трудом, из них постоянно свисают вещи. Над этим динозавром висели сломан-

ные часы, тоже доисторические, с гирьками на цепочке, именуемые «ходики». На одной из стен, как раз у обожаемого Эдиком продавленного дивана, красовался плешивый коврик, настолько засаленный, что рисунок угадывался с трудом. Похоже, Мотало, который ел прямо на постели, вытирал о него руки. Имелась в хозяйстве даже... керосиновая лампа! «А вдруг отключат электричество?» «Балда, у тебя же все равно нет керосина!» «Зато у меня есть лампа!»

И посреди этого старья, которое Мотало поленился вывезти после смерти бабушки, на заваленном хламом столе, среди грязных чашек, тарелок с остатками еды, книжек с закладками, исписанной бумаги, обгрызенных карандашей, поломанных ручек – вполне современный компьютер. Пардон, еще одна ценная вещь, хотя очки обошлись Эдику дороже.

Полы в доме мылись по большим праздникам, пылесос Мотало не признавал, посуду мыл, когда вся, что имелась в доме, оказывалась грязной. И то Эдик частенько вытаскивал из горы немытой две нужные ему и гостю тарелки и две чашки, на остальное махал рукой: потом. На окнах висели плотные шторы: Эдик дню предпочитал ночь, он был стопроцентной совой.

И в этой вечной тьме, в этой захламленной квартире жил человек со светлым умом, способный на гениальные догадки и знавший так много, что мог бы выиграть кучу денег в теле- и радиовикторинах, если бы не относился к ним с таким

презрением. Он их даже не смотрел. В том числе и те, что были не слишком примитивны и куда поэтому допускались простые смертные, не только звезды. Так вот: все это Эдик презирал. Викторины, ток-шоу, развлекательные программы и участвующих в них звезд.

Гости к нему приходили редко. Да что там! Практически никогда! Поэтому на звонок в дверь Мотало долго не реагировал, думал, что это ошибка и не стоит тратить время и силы. Ведь надо подняться с дивана, дойти до двери, открыть ее и вступить в диалог с примитивной особой. А потом долго приходиться в себя от полученного негатива. Пришлось звонить еще и еще, но Андрей Котяев давно уже привык к странностям хозяина. Если на чужой территории Мотало еще как-то держался, то есть соблюдал нормы поведения, то у себя дома не стеснялся вовсе.

Наконец дверь открылась.

– А... Это ты... – кисло сказал Мотало. – Ну заходи.

После чего повернулся к гостю спиной и, не оборачиваясь, побрел обратно в комнату. Зрелище было жалкое: растянутый свитер висел на худых плечах, ноги старчески шаркали, на макушке сияла огромная лысина.

Андрей вошел, запер за собой дверь, ботинки, как обычно, снимать не стал, и как был, в джинсовой куртке, двинулся в том же направлении.

Эдик лежал на диване, заваленном книгами, тут же, на диване, стояла чашка с недопитым кофе и тарелка с недоеден-

ными бутербродами. Еще на диване лежали: пара трусов, грязные носки, мокрое полотенце, пачка одноразовых бритвенных станков, одного не хватало, использованный пластырь, ватка со следами крови...

– Садись, – услышал он.

И поступил так же, как поступал всегда: взял в охапку вещи, грудой лежащие в продавленном кресле, и скинул их на пол. После чего снял куртку, кинул ее на диван, где лежал Эдик, уселся в освобожденное отхлама кресло и огляделся:

– Вроде, ничего не изменилось.

– Как так? – обиделся Эдик. – Я книгу новую купил!

– О чем?

– «Энциклопедия живописи», – похвастался Эдик. – Экспрессионисты.

– На кой?

– Интересно.

– А эти твои... как там их? Психи! То есть, психологи. Ты их что, забросил?

– Зачем? Читаю. А ты, собственно, зачем пришел? – спохватился Эдик.

– Да так. Проведать зашел.

– Не темни. Ты ничего не делаешь просто так, Андрон. И здесь тебе не нравится.

– Да, нормально все.

– Врешь. Ну, давай. Используй меня уже. Не тяни время.

– Я гляжу, ты сегодня агрессивный. А причина?

– Просто ты мне помешал, – сердито сказал Эдик.

– Бриться помешал? – кивнул он на пачку одноразовых станков и лежащую рядом ватку со следами крови. – Или ты эксперименты над собой ставишь?

– Говори, чего тебе надо, и уходи.

– Слушай, может, ты выпить хочешь? Так я схожу.

– Тебе не удастся меня спойть. Я же сказал, что хочу изменить свою жизнь.

– Поясни.

– Это ни к чему.

– Лично я изменений не вижу, – он демонстративно оглядел комнату. – Все вещи на месте.

– Это внутри меня.

– Ну хорошо, – сдался он. – С трезвым тобой трудно, это я понял. Давай зайдем с другого конца. Можешь прояснить некоторые вещи? С точки зрения психологии?

Эдик аж подпрыгнул. Очки задорно блеснули, когда Мотало сказал:

– А я тебе предупреждал! Всех предупреждал! Что вы еще ко мне придете! Что? Пригодился Мотало?

– Ну возьми с полки пирожок. Ты гений, а мы дураки. Вот и объясни нам, сирым, в чем мы не правы. Это загадочное дело не дает мне покоя, – пожаловался он. – Потому что в нем оказалась замешана загадочная женщина.

– Алина Вальман? – привстав, жадно спросил Эдик.

– Она.

– И... как?

– Видишь ли, оба этих парня к ней ходили. Тот, что повесился, и тот, которого застрелили.

– Минуточку. – Эдик откинулся на подушку. – Можно уточнить: кого именно застрелили?

– Ты дурочку не гони. Курехина. Ты сам это утверждаешь.

– Ошибся, – спокойно сказал Эдик. – Курехин застрелился.

Он оторопел.

– Мотало, ты... Да ты, блин, в себе? У меня есть заключение экспертизы!

– У следователя тоже есть. Там все написано. И в той форме, в которой он просил.

– Ты что?!! Я ж тебя столько лет знаю! Ты никогда этого не делал!

– Не делал чего?

– Не подтасовывал результатов экспертизы!

– Вот видишь, – усмехнулся Мотало. – У меня безупречная репутация. Значит, и на этот раз все так, как есть на самом деле. Я ничего не подтасовывал. Ошибся, с кем не бывает? Все мы люди, – Эдик развел руками.

– Ну нет, – он в волнении встал. – Я тебе не верю! Кто на тебя давил? Следователь?

– Андрон, – неожиданно мягко сказал Эдик. – Ты... Ты сядь. Сядь. И спокойно послушай.

Он сел.

– Ну?

– Мы оба ошиблись. Это я виноват. У меня была депрессия. Почудилось черт знает что. А сейчас прошло. И тебя завел не по делу. Ты, вот что... ты иди в отпуск, Андрон.

– В отпуск? – ощерился он. – К маме на дачу, огурцы солить?

– Там хорошо... – мечтательно сказал Эдик. – Тихо, спокойно. Заодно с мамой помиришься. Мама у тебя хорошая. Я ее уважаю.

– Уважаешь? Это хорошо. – Он опять встал. – А вот я тебя уважать перестал. Говоришь, человеком решил стать? А стал ты, Мотало, дерьмом! У тебя, как ты говоришь, произошла переоценка ценностей. Тогда тебе следует выгрести дерьмо из своей квартиры, – он кивнул на диван, где валялись вещи. – А то слишком много дерьма.

Мотало не реагировал.

– Молчишь? Не хочешь мне помочь? Тогда я сам. Я все равно к ней пойду. И я ее дожму. Я это умею, ты знаешь. И мне плевать, сколько у нее денег.

– Андрон, не надо, – тихо попросил Эдик.

– Выходит, богатым все позволено?

– Не в этом дело. Они ведь сами... Понимаешь? Сами.

– Но причина-то была!

– Это не причина. Это... Как бы тебе объяснить? – Эдик прикрыл глаза. – Люди... Они же все разные. Чем человек умнее, тем он уязвимее. Как только он начинает задумывать-

ся о смысле жизни, о том, как все устроено и что является первопричиной, так он тут же становится уязвим. В его жалкой душе появляются бреши. И туда очень легко вклиниться. Особенно, если имеешь специальную подготовку. А вклинившись, очень легко влиять, вплоть до... – Эдик осекся.

– Не понял? Ты это о чем?

– Наиболее устойчивы в этом плане люди, занятые физическим трудом. И люди, чей день расписан по минутам. Трудоголики вроде тебя. Но в какой-то момент они становятся особенно уязвимы, в момент, когда их деятельность прекращается. Человек, увы, не вечный двигатель, ему иногда надо отдыхать. И в этот момент в его душе образуется не просто брешь, а черная дыра. Он начинает не просто задумываться, а задумываться всерьез. И понимает, наконец, очевидную суть: все бессмысленно. Работа – тот же допинг. Наркотик. И пьют потому же, почему сгорают на работе: пытаются оглушить себя, ослепить, а главное, отключить мозги. Все, что мы ни делаем, есть попытки отвлечься от мысли о смерти и осознания ненужности всего того, что мы делаем. Если этот момент угадать, то и стараться-то особо не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.